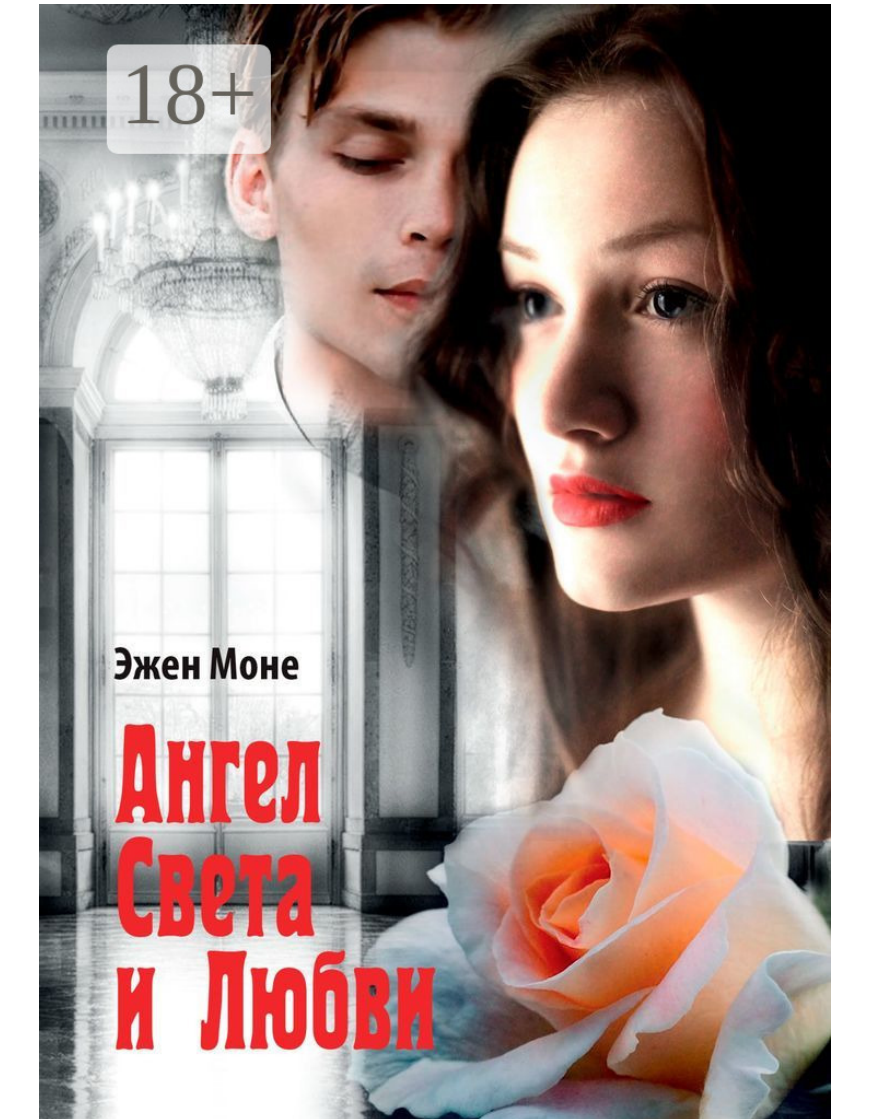

18+

Эжен Моне

**Ангел
Света
и Любви**

Эжен Моне
Ангел света и любви.
Философский роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25723840
ISBN 9785448566752

Аннотация

Что бы не происходило в Вашей жизни – это течение, которое необратимо ведёт Вас к настоящему и к самим себе. Поверь в себя и прими перемены, которые стремительно касаются души и тела. И теперь ты можешь осознать тот факт, что одно без другого не бывает. Кем бы ты сейчас не был, осознай, что мы обретаем себя через тьму и свет.

Содержание

Предисловие	5
Синописис	8
Ангел Света и Любви	9
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Ангел света и любви Философский роман

Эжен Моне

*Не осталось и тени сомнения —
я люблю тебя, жизнь!*

Корректор Сергей Ким

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Эжен Моне, 2020

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4485-6675-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я расскажу вам о том, о чём может сказать каждый из нас. Мир создан наполнять нас смыслом того, чем каждый из нас хочет жить. Вроде воздух для всех один, и всё же для каждого он разный – это то же, что и два человека могут смотреть на одну вещь и расценивать её по-разному. Сколько людей – столько и мнений.

Наша земля полна неожиданностей и загадок, а небо окутано цветом прекрасных глаз. Полна добрых и любящих людей, в мир которых вступаешь чистой ногой. Как я уже говорила, люди, живя в одном мире, в то же время все живут в разных мирах, и у каждого он свой. Они говорят на разных языках, но единый язык – это язык сердца. То, что внутри тебя, то ты и наблюдаешь снаружи. То, о чём думаешь, и это не малоизвестный факт уже для всех, то и притягиваешь в свою жизнь! Надо быть честным с самим собой.

Любовь – это всё живое как на земле, так и вне её. Это прекрасное чувство. Каждый об этом знает и испытывает ее по-своему. Я не спорю, все слышали о бабочках в животе, и многие даже испытывали это чувство. И о том, как от любви «захватывает» дыхание – это тоже известный факт.

Мир полон тайн, и любой может сказать, что у него большой опыт за плечами.

Не спорю, возможно, вами прочитано много литературы,

просмотрено документальных и художественных фильмов, услышано от кого-то, да – это так, но не факт, что это – подтверждение настоящей любви. Вам решать, как любить и как проявлять свои чувства, когда вы честны с собой. Прожить и прочувствовать это самому – куда величественней.

В этой истории чувства говорят сами за себя, и она посвящается тем, кто когда-то любил чисто, искренне, бережно храня эти чувства годами. Для тех, кто любит и будет любить.

Морской бриз неиссякаем, лёгок. Волнуясь, он волнует меня, словно я часть сердца, которое бьётся и тут же стихает, наполняя меня чем-то неизведанным. Жажда поглощает в буквальном смысле этого слова. Ты растворяешься в просторах всего того, что окружает тебя.

Я ёжилась на берегу Касатинска. Время было за полночь – луна освещала тропинки залива, громкие голоса людей эхом раскатывались по водной глади. Шло время, а я даже и не думала идти спать. Тёплый ветер дул мне в лицо, словно играя со мной, и я вдыхала – этот сладкий, нежный, пропитанный августишками воздух. Их магический аромат завораживал, а пение птиц доносилось по всей окрестности побережья. Да, кстати, августишки – это такие цветы. Они маленькие, но очень величественные. Как и у всего живого, у них есть своя история, но об этом, пожалуй, чуть позже.

Наступила осень. Листья покрывали землю золотистым покрывалом огня, и всплеском души моей была не только

та природа, что окружала меня, но и то чувство, от которого кровь закипала в каждой частичке моего тела. Я не могла забыть эти глаза, которые с теплотой душевной смотрели на меня. Мысли с каждым разом уносились прочь, отдаваясь порывам сердца. Воспоминания разгорались в моей душе горячим пламенем, тем самым обнажая мои чувства.

Кто из вас, друзья, верит в любовь с первого взгляда?

Я пониманием своего прошлого закрывалась от всех этих мыслей, и всё же этот взгляд, этот день и час и миг Вселенной изменил моё понимание – абсолютно полностью опровергнув понимание прошлого, вдохновив меня на написание этой книги.

Вообще я наблюдатель, люблю смотреть на мир с открытыми глазами, всматриваясь в каждое человеческое я и видя в них то, кто они есть, то, к чему они стремятся. Улыбка, жесты, речь и смех, походка – волшебство мирской обители, даже одежда говорит о личных качествах человека, раскрывая и объясняя его внутренний океан величий.

*Люди привыкли любую человеческую близость
Сводить только к эротизму, грабя самих себя,
Потому что такое восприятие обедняет
и отравляет*

*Любое духовное наслаждение, любое проявление
Человеческих чувств.*

Синопис

Вся суть моей книги – это встреча человечества с Господой любовью – это дань матери земле, – это нежный поцелуй особам женского пола. Книга раскрывает те тонкости бытия, на которые люди перестали обращать внимание, эта книга – встреча с самим собой. Роман затрагивает те жизненные области, которые давно утратили огонь в наших сердцах, ведя нас по ложному пути.

Через неё я хочу оживить в людях Жизнь, которая будет преисполнена Любовью. В первую очередь к самим себе, разрушая стереотипы, впуская в их Сердца ветер перемен.

Что бы ни происходило в вашей жизни – это течение, которое необратимо ведёт вас к настоящему. Поверь в себя и прими те перемены, которые стремительно касались души и тела. И теперь ты можешь осознать тот факт, что одно без другого не бывает. Кем бы ты сейчас ни был, осознай, что мы обретаем себя через тьму и свет.

Ангел Света и Любви

*Истиною же является женская красота,
Когда загадкою – скрыта и в то же время
Подчёркнута дважды она,
И тогда не только невозможно
Отвести от неё глаз, но и душевного покоя
Уже не унять.*

1.

Моя героиня Лилия Вьюри – её жизнь по-своему уникальна.

– Лили, – сказала мама, приоткрыв дверь в спальню своей дочери.

– Да, матушка? – ответила Лили, вдевая серёжку в правое ушко и смотря на матушку в зеркало.

– Все гости уже собрались! – улыбка расплылась по всему лицу, тем самым не скрывая обаяние прекрасной дамы. – Мы ждём тебя!

– Я уже скоро, мама, – выдохнув, с грустной ноткой ответила она.

Матушка закрыла дверь и пошла к гостям.

Лили взялась обеими руками за лицо и наклонилась ближе к зеркалу, всматриваясь в своё отражение. Кажется, ей никогда не было так тревожно, как в этот день. Сегодняшний

день наполнял Лили одновременно и радостью, и грустью, и боязнью, и бурными эмоциями души. Радостью были наполнены те моменты сердца, что она, делая шаг во взрослую жизнь, и в тот же момент полноценно вступала и грусть в её владения, прокралась, говоря о том, что беззаботное детство остаётся далеко позади. А боязнь, от которой потели ладони и голос замирал в тот же миг, раскрывалась в том, что волнение порождало страх, ведь она никогда раньше не присутствовала в таком большом скоплении людей. С детства окружением Лили были Мама, Папа и работники дома: садовник Антуан Экюль – мужчина уже преклонного возраста, экономка Мария Россо и пара домашних питомцев, а именно пёс Цезарь, королевский дог, и попугай Гау. Лили была долгожданным ребёнком, и родители лелеяли и холили девочку, закрывая от всех и всего. Своей заботой и переживаниями они вырастили в ней огромное чувство любопытства. Лили смотрела на себя в зеркало, и оно отображало её красоту: белокурые локоны ложились вдоль всей её спины а белоснежная бархатная кожа была подобна крыльям ангела. Оно отображало невинность всего, что скрывала её плоть: большие чёрные глаза с роскошными длинными ресницами, брови, что располагались чуть выше, чем положено от глаз и были чернее ночи в форме домика, маленький, аккуратненький носик, щёчки, что отливались молодым румянцем, словно она всегда была чем-то смущена, полные, чувственные губы, что ярко выражены цветом спелых красных вишен. Склады-

валось чувство того, что вся кровь прилила к её губам, едва коснувшись щёчек и полностью покинув тело. Ростом не выше метра шестидесяти, изгибы тела восхищают: полные бёдра, стройные ноги, пышная грудь и взгляд лукавый, посмотрев в эти глаза, ты больше не можешь оставаться равнодушным, в тот же миг появляется чувство, что кровь в твоём теле нагревается, в считанные секунды закипает, начинает бросать в жар, дрожь в теле, в животе властвует целая стая бабочек, и тебя просто переполняет восторг, глаза блестят, и вместе с ними слышно биение сердца, которое неугомонно стучит.

Наконец-то Лили решила сделать шаг. Отодвинув стул, она встала и смелой походкой направилась к двери, но не тут-то было – ступор и вновь волнение охватили всё её тело. Почувствовав рассеянность, она тут же застыла на месте:

– Я должна, я смогу... – сказала Лили чуть слышно сама себе.

Закрыв глаза, опустив руки вдоль тела, глубоко вдохнув и выдохнув с огромным облегчением, она открыла глаза и вновь смелой, уже более уверенной походкой направилась к двери. Не думая ни о чём, она ухватила за ручку двери, повернула её и, распахнув, шагнула через порог быстрыми мелкими шажками. Сама того не зная, при ходьбе, виляя, её бёдра полыхают в каждом шаге. Походка выражала натуру, а она была чиста во всём. Жемчуг, который прошёл огранку ещё во чреве матери.

От неё веяло бесценным теплом, светом, добром, нежностью и любовью. Преодолевая препятствия в самой себе, шаг за шагом приближалась к лестничной площадке. Замедляя шаги, она ещё более выпрямила спину и, взявшись одной рукой за пальцы другой руки, направила нежный взгляд вперёд. К тому времени она уже подошла к лестнице и, остановившись на секунду одну-другую, стала спускаться вниз, чувствуя, что вся кровь из губ стала переливаться в щёчки, тем самым говоря больше о красоте, которую нужно видеть. Момент был близок... С каждым разом всё громче и громче слышались разные голоса, смех, от этого у Лили подкатывал комок страха к горлу и ещё больше румянец смущения к щекам. Она стала оттягивать этот момент, спускаясь с каждым разом всё медленнее и медленнее, остро вслушиваясь и пытаясь уловить каждое слово гостей, будто бы хочет понять, осознать и успокоить волнение своего внутреннего мира.

– Вот и она, моя прекрасная дочь Лилия! Знакомьтесь, дорогие гости! – с гордостью в голосе сказал Хавьер, показывая рукой на дочь.

Лили остановилась, с огромным удивлением и лучезарием в глазах стала смотреть на всех.

– Добрый вечер, дамы и господа! – смущенно и радостно поприветствовала всех она.

Её поразило, насколько все люди разные, каждый по-своему прекрасен и интересен. Лили с огромным любопытством, жадно вцепившись глазами, в то же время настороженно

и восхищённо смотрела на окружающих её людей. Все присутствующие с не наименьшим восторгом окружили её пристальными взглядами, словно трогая её на ощупь.

В зале воцарилась полная тишина, время застыло. Затем, спустя какое-то время, зал наполнился разговорами, движением и музыкой. Жизнь продолжилась...

Лили смущённо, с улыбкой на устах разглядывала гостей. Народ старался не обращать и даже старались скрыть пристальное внимание к Лили, но как бы там они ни пытались, невооруженным глазом было заметно, что каждый в свою очередь поглядывал на неё, то и дело разглядывая её с ног до головы. И это и не удивительно, ведь родители скрывали девочку с самого рождения, и, видя её сейчас, люди не могли отвести от неё глаз, она пленила своей красотой. Наблюдая за гостями, можно было понять, что они неистово истекали жаждой подойти поближе к Лили для того, чтобы разменяться с ней парой слов, да вот только складывалось чувство, что они чем-то стеснены. Окружение людей было не из десятка робких, тем не менее они выжидали. Несмотря на то, что они двигались в танцах, на их лицах застыла маска ожидания, лица погрузились во что-то неживое, стали мрачно-белыми, лишь глаза горели огнями, бегая туда-сюда. В них можно было разглядеть надменность, хитрость и страх, который будоражил в их венах кровь. Перешёптывались, переглядывались, даже умудрялись молча судачить, используя при этом только глаза. Лили же весь этот сумасброд придавал каждую

секунду лишь уверенности, её переполняли эмоции, кровь прилиwała к вискам и стремительно, словно взрывная волна, пульсируя, поглощала её, окутывая всё тело пеленой тепла и трепета – она интуитивно понимала, что вокруг неё происходит, метко стреляя в каждого из них.

Взглядами проникала в их души, читая их мысли – не в буквальном смысле. Лили очень была близка с природой. Её подсознание не было настолько безнадежно отравлено и не делилось на какие-то правила. Она была на уровне с Богом, одним целым с ним, он обогащал её дарами. Подавая ей сигналы как светофор: зелёный – иди, жёлтый – подожди, красный – стой. И она, не задумываясь, прислушивалась к тому, что ей говорил её внутренний голос.

Из присутствующих мужчин никто не решался пригласить её на танец, хотя немало из них было ловеласов, которые красноречивы, пышут обаянием и несомненно очаровывают женщин. Да вот только Лили была озарена Божьим светом – это был ангел.

Мужчины смущались оттого, что, даже не касаясь её, одни мысли их каждодневной жизни – могли замарать небесную синеву.

– Дамы и господа, прошу минуточку внимания! – стремительно шагнув в круг зала и два раза стукнув серебряным ножичком по хрустальному фужеру, который был наполнен меньше чем наполовину изысканным красным вином, он с добротой и улыбкой обратился к гостям. – Дорогие

мой! Сегодня, в этот прекрасный день, мы собрались здесь по поводу, – и, показав правой рукой на Лили, с теплотой и нежностью проговорил, и в его глазах и в глазах его жены блеснули слёзы любви и радости, – по поводу дня рождения – совершеннолетия моей дочери Лилии!

Весь зал расплылся в улыбках и заполнился громкими овациями. Отец подошёл к Лили. Взяв её за левую руку, тем самым выражая своё уважение, он помог ей встать. Взяв её за вторую руку, притянул как можно ближе к себе. Она смотрела в глаза отца, на её глазах наворачивались слёзы. Как бы тщательно она ни старалась их скрыть, всё было тщетно, слёзы побежали по её щекам, тем самым приводя гостей в ещё больший восторг от её нежности и женственности.

Как кто-то из зала сказал:

– Её красоту слезами не испортить! С каждой слезинкой она становится ещё прекрасней!

И все понимающе в ответ кивнули головой.

– Милое дитя, моя доченька, с момента твоего появления на свет я мысленно каждый раз оттягивал этот день. Мне так не хотелось, чтобы ты выросла, мой ангел. В восемнадцать лет у тебя появляется полное право на самостоятельные шаги твоей жизни. Даже если, дорогая моя, ты надумаешь куда-то уехать, мы будем не в силах тебя остановить. Это твоё решение, твоя жизнь, мы всегда положительно будем относиться к твоим решениям, желаниям. Ведь мы верим в тебя, Мы вложили в тебя с мамой свои души, ни разу не сожалея

об этом, ты наш ангел! Лилия, ты очень умная, добрая, воспитанная в заботе и любви, и я знаю, что все эти качества ты передашь своим детям, поэтому мы с мамой не переживаем за тебя. Мы знаем, что ты всегда будешь поступать правильно. Моя доченька, – он взял её двумя руками за плечи и с уверенностью в голосе сказал: – Если ты когда-нибудь ошибёшься, а от этого никто не застрахован, в этом нет ничего страшного. Помни: мы с мамой всегда рядом, всегда поможем и поддержим, помни, дорогая, – и, прижав её к себе, стал крепко обнимать.

Все захлопали, некоторые дамы прослезились.

– Дорогая, предоставляю слово тебе, – сказал жене, встал рядом с Лили лицом к гостям.

– Милая моя, я полностью согласна с тем, что сказал твой отец. Хочу добавить лишь одно. Всегда слушай только своё сердце, думая не только умом. Жить одной логикой очень сложно, потому давай узды правления и своему сердцу, ведь мы напрямую сердцем связаны с Богом, а он всегда, доченька, даст тебе правильный ответ. Я люблю тебя! – и, поцеловав её в щёчку, встала с другой стороны от неё.

– Лили, – отец взял её за руку, а второй рукой провёл по залу, – все эти люди – наши друзья и хорошие знакомые. И у тебя сегодня есть возможность с ними познакомиться, поговорить ну и... – приподняв палец кверху, он лукаво заулыбался и сквозь смех выпалил: – ...присмотреть себе кавалера.

Все засмеялись и стали хлопать и кричать.

– Поздравляем! Поздравляем тебя, Лилия!

Эмоциям Лили не было предела, она тоже стала в такт остальным хлопать в ладоши. Вдруг одна из гостей, баронесса Антуанетта, направилась к Лили с большим букетом белых хризантем, количество которых составляло ровно восемнадцать штук. Столько, сколько исполнилось имениннице. Она решительно подошла к ней улыбаясь, в двух руках протянула Лили букет с хризантемами:

– Поздравляю тебя, дорогая! Ты и вправду прекрасна!

– Спасибо! – улыбаясь ответила она.

– Меня зовут баронесса Антуанетта! Я близкая подруга вашей семьи вот уже тридцать лет, так что я знаю твоих родителей задолго до твоего рождения.

Лили молча улыбнулась. Не каждый решился последовать примеру баронессы, поэтому они наблюдали со стороны за всем происходящим.

– Прощу прощения, Антуанет, хочу пригласить свою дочь на танец, – сказал отец Лилии подмигивая, на что Антуанет кивнула ему головой.

– Сударыня, вы не против? – протянул левую руку ладонью вверх к дочери, при этом поклонившись перед ней.

– Конечно нет, – мило улыбнувшись, Лили подала руку отцу в ответ.

– Посмотрите, Антуанет! Как сударыня мила! Мне кажется, если её выпустить в свет, её разорвут...

– Ну прекратите, что уж вы! Прямо так разорвут, – фыркнув на Дороти, жену адвоката Бурански.

Антуанет с первой встречи с Лили почувствовала в ней родную душу. Так как у неё не было своих детей, к ней её душа расположилась как к родной.

– Да я же не в буквальном смысле! Отчего же вас, сударыня, так задело? – с возмущением проговорила она, на что Антуанет ответа не дала, только молча взглянула на неё, затем поспешно направилась в дамскую комнату...

– Я в дамскую комнату – носик припудрить.

– Сударыня, я, надеюсь, вас не оскорбила своими речами? – с искренним сожалением спросила она.

– Нет, что вы, Дороти, несколько! Никаких обид. Возможно, вы посчитали моё поведение странным, я понимаю вас. Дело в том, что сегодня я плохо спала, почти всю ночь мучила мигрень...

– Ах... Вы уж простите меня, Антуанет...

– Да что вы попусту переживаете, всё хорошо. Надо было дома остаться, но я изволила явиться, ведь такое раз в жизни бывает!

– Конечно, вы правы, думаю, что вы не простили бы себе потом...

– Думаю, довольно об этом, прошу меня извинить, мне нужно выйти.

– Да-да, конечно... конечно, – с непониманием и недоумением ответила Дороти.

Дороти – сударыня тридцати пяти лет, замужем за адвокатом Бурански уже как тринадцать лет. Своих детей у них нет, но она плодотворно участвует в пансионате Красного Креста. Очень любит детей, помогает им чем может: материально, продуктами, вниманием, заботой и чуткостью. Приходит ранним утром, вставая ещё до пения петухов, поцеловав мужа, взяв продукты, сладости, которые она весь вечер прошлого дня выпекала сама, игрушки, которые в то время были в дефиците. Они делались из подручного материала: соломы, смолы, ткани и многое другое. Дороти росла в хозяйственной семье, ремеслам: выпекать, готовить, доить и даже строить – она была обучена с малых лет. С адвокатом Бурански она познакомилась на местном рынке, когда помогала родителям продавать продукцию их собственного хозяйства. Бурански сразу обратил внимание на Дороти, она девушка видная. Он купил у них молока, мяса и с тех самых пор стал каждый день приезжать и покупать у них продукты. После стал дарить Дороти подарки. Спустя три месяца свиданий Дороти стала сударыней Бурански.

Бурански – высокий, темноволосый, сероглазый, худощавого телосложения, с белоснежными зубами, нос к кончику заострён, губы полные, и круглый год его лицо покрыто лёгкой щетиной, которая тем самым подчёркивает его скулы и обаятельную улыбку. Когда смотришь на него со стороны, кажется, что в нём нет ничего примечательного, но стоит с ним пообщаться пару минут, как ты понимаешь, что его

красота раскрывается в минуты общения с ним, а величие его души спасёт тебя от хмурых дней. Именно это пленило и привлекло Дороти. Он всегда мил, вежлив, добр. Если люди грубят ему, то он отвечает на это с улыбкой. В Дороти же он увидел своё отражение, увидел, что она не такая, как все: добрая, приветливая, невысокого роста, с густыми рыжими волосами. Большие откровенные зелёные глаза, округлая форма лица, усеянная веснушками, маленький носик, светлые бровки что широкообразной дугой расположились вольно над её глазами, длинные и светлые ресницы, широкие бёдра, покатые плечи, небольшая грудь, которая заметно подчёркнута. Она как солнышко. Говорит, иногда даже не подумав, о том, что тем самым может обидеть человека – просто прямолинейна. То, что видит, слышит, о том и говорит, но после очень переживает, если тем самым кого-то огорчила или обидела. Она прекрасная хранительница очага. Сам Бурански всегда шуткой говорил: «На мою Дороти указал сам Бог, она мой ангел, теперь в моём сердце всегда царят тепло, уют, любовь и покой, мы гармонизируем», – и после всех сказанных слов он смеялся.

Это действительно так, Дороти тоже благодарна Богу за Бурански, ведь до него она не знала, что такое любовь. О нём же она всегда говорит так: «Он есть всё в моей жизни, рядом с ним я хочу жить, творить, создавать и просто быть, чтобы он был счастлив». Они действительно созданы друг для друга, быть вместе – это желание их сердец.

Бурански был одним из немногих близких друзей семьи, и ему было не дозволено лицезреть маленькую Лили, хоть родители и доверяли ему.

Как-то Бурански помог отцу Лили выиграть дело и оставить поместье, в котором в данный момент и проживает чета. Хавьер, отец Лили, был весьма благодарен Бурански. Отблагодарив его по-особенному – подарив ему домик у озера и золотой перстень, тем самым он охарактеризовал свою дружбу и позволение стать близким, то есть, так сказать, родственником не по крови а по плоти, по духу – своего рода. Хавьер увидел в Бурански искренность помогать людям, при этом придерживаясь профессиональных качеств. О нём он говорит: «При встрече с Бурански в душе возрождаются из пепла идеи, которые давно были погребены под вуалью печалей... М-м-м... его улыбка растопит самое чёрствое сердце скряги». Несмотря на свою насыщенную жизнь, Хавьер временами был угрюм, был затворником, на него часто нападала хандра, он часами и днями, бывало, проживал в своём кабинете. Он не родился таким, он стал таким и всё же пытался понять, для чего он живёт и в чём смысл его жизни. Он думал, у него есть всё, о чём можно мечтать. Любящая семья, деньги, забота, только вот ему не хватало свободы. Он с детства мечтал быть моряком, плавать там, где душе будет угодно, бороздить воды морские, и Бурански его прекрасно понимал. Только перед ним он открывал просторы своей души, на что Бурански отвечал взаимностью. Он с ним не один

час выкуривал сигары, пил кофе и своими фантазиями раскрывали ход событий, которым не суждено было сбыться никогда, по крайней мере так он думал на тот момент.

Когда-то давно отец Хавьера за несколько дней до смерти наследовал всё ему и взял с него слово и обязательство, что тот продолжит их семейный бизнес здесь на земле, не в море или в небе его носить, как в поле ветром не будет, так как он считал, что это несерьёзно. И он, стиснув зубы, сжав кулаки, с комком в горле, с обидой и полными глазами слёз дал отцу слово, что их семейный бизнес будет всегда процветать и передаваться из поколения в поколение. Но однажды это случилось, произошёл сбой в душе и мыслях, словно лишившись рассудка, потеряв контроль над происходящим, он не задумываясь решил продать всё и отправиться в море. Поставив роспись на продаже поместья, его будто что-то стукнуло в голову и мысли заполнили просторы его мозга, разум включился, и Хавьер понял, что поддался своим желаниям. «А как же обещание, данное отцу?» – подумал он. И контракт по продаже семейного бизнеса был приостановлен. Но мешала одна закорючка – его роспись, которая красовалась на бумаге, тем самым подтверждала, что поместье продано. Как только он ни уговаривал Брюса о расторжении контракта.

Брюс – коллекционер поместий, домов, садов ну и всего прочего и тому подобного. Брюс ухватился за дом Хавьера зубами, вот здесь и появился молодой, юный Буран-

ски в жизни Хавьера. Его помощь в тот день была бесценна, так как Хавьер был подавлен, растоптан осуждениями самого себя. Бурански вытянул его из этого болота, оставив за ним не только поместье, но и надежду, надежду на лучшее, любовь к жизни и к самому себе. Хавьер не блистал красотой, его взгляд был холодным как сталь. Серьёзным, вдумчивым – того требовала работа и несбывшиеся мечты. Когда Бурански спросил, почему он всегда такой серьёзный, он ответил: «Неужто я должен быть похож на клоуна, всегда смеяться и веселить других? Просто я в постоянном напряжении, иногда мечтаю стать моряком и слиться в единое с морем, тогда, пожалуй, моя душа была бы довольна, и это удовольствие отражалось бы в моих глазах, вырисовывалось узорами счастья по всему моему лицу». На что Бурански ему ответил: «Тебе не обязательно быть моряком, чтобы это отражалось на твоём лице, достаточно просто полюбить, и твоя душа станет свободной, любовь – она исцелит и придаст сил, ты почувствуешь, как крылья вырастут у тебя за спиной – тогда лети, осуществляя свои мечты». Этот ответ поразил Хавьера. За столько лет он впервые улыбнулся. Он встретил человека, который приоткрыл для него занавес, он говорил с ним о любви, поскольку отец Хавьера говорил с ним всегда о построении и развитии семейного бизнеса, решал за него, ставил цели за него, говорил, как и что надо делать. И когда он женился и родилась Лили, он сказал себе, что никогда не будет вмешиваться в её жизнь. Закрыв её от всех, желая

сохранить её сердце чистым. Теперь он готов открыть перед дочерью двери неизведанного мира, полного тайн, он даёт Лили возможность быть самой собой и выбрать путь жизни самой.

В танце раскрывалась вся любовь отца к дочери.

– Ну вот, Лилия, ты и выросла! Я попрошу тебя, знаю, что мир не мал и легок, что уготовано тебе судьбой, одному Богу известно, только оставайся всегда такой, знаю, что не изведен путь, только ты не гасни!

– Я знаю, пап, всё будет хорошо.

На самом деле ей было немного страшно, перед отцом она старалась держаться храбро.

– Дорогая, посмотри, сколько гостей, знакомься, купайся в их внимании! Ты этого достойна!

– Пап, вы меня балуете!

– А почему бы и нет? Ступай, Лили, и не бойся никого и ничего.

Она мило улыбнулась, не сказав ни слова, и направилась к столу с угощениями. Стол длинный, метра четыре, резной, из красного дерева. Устлан белой скатертью с жёлто-красными цветами, ломился от всяких вкусностей, выпивка лилась рекой. Все гости были довольны.

Лили было только уселась за стол, как на пороге зала мелькнула фигура мужчины и тут же скользнула в толпу, она успела незримо обхватить его взглядом, обратила своё внимание на него она не зря – это Марк Де Лакруа, сын герцога

Гейна.

Он не раздумывая скользнул в компанию людей, близких ему по духу, это круг его единомышленников – так он думал раньше.

– Вечер добрый, господа!

– О-о-о, Марк! Тебе тоже доброго вечера! На удивление, ты сегодня опаздываешь, – с безобидной насмешкой сказал Артур, один из друзей Марка.

– Мда... обычно ты раньше всех приходишь на мероприятия... – поддержал разговор своего товарища Джеймс.

– Всё верно, но вот с сегодняшнего дня решил изменить своим привычкам.

– Надо же, к чему бы это, имеется ли здесь связь с женщиной? – удивленным голосом спросил Артур.

– Да-а-а, связь имеется, подумываю жениться, – с улыбкой шёпотом проговорил Марк. – Только никому ни слова, это пока секрет, – подмигнув, он повернулся к официанту, который проносил мимо напитки.

На что Артур и Джеймс переглянулись, улыбаясь, и в один голос:

– Кто она?

– Тс-с-с... давайте вполголоса, мы ведь не одни на этом вечере.

– Да-да, конечно! – усмехаясь, ответил Артур.

– И-и-и-и?... Мы ждём...

– Секундочку, господа, дайте утолить свою жажду бока-

лом вина. Официант? – выкрикнул Марк, подняв правый палец кверху.

– Добрый вечер, сэр!

– Добрый, можно мне бокал вина «Айседора»?

– Да, сэр, сейчас принесу вам.

– Спасибо! Я буду здесь...

Повернувшись к ребятам, он решил сменить тему.

– А по какому поводу здесь сегодня все собрались?

– Марк решил увильнуть от разговора... – с раздражением в голосе сказал Артур.

– Ну что вы? Я действительно не в курсе...

– Хорошо! Мы сделаем вид, что тебе поверили.

– Аха, сделаем вид... – снова поддержал Джеймс.

– Ну ладно вам, ребят...

– Ребят... – со злостью выпалил Артур. – Ребят, значит, если ты не хочешь об этом говорить, зачем вообще тогда заикнулся, ты... ты считаешь себя круче других, не знает он, по какому поводу здесь собрались? Ну точно, не знает... – размахивая руками, высказывал свои недовольства он.

Марк застыл на месте – выслушивая его.

Джеймс постоянно махал головой, поддакивая Артуру.

– Артур, Артур, тихо, тихо, ты чего разошёлся? Какая муха тебя укусила? – с непониманием спросил Марк.

– Какая муха?! – наклонившись к Марку, прошептал он. – Ты и есть та самая муха...

– Серьёзный аргумент. Спасибо, друг...

– А я думал, мы для тебя ребята! – с сарказмом ответил он.

– Ей-богу, Артур, ну ты чего как ребёнок?

– Не надо, Марк... Пойдём, Джеймс, подкрепимся, оставим нашего друга наедине с самим собой.

– Пойдём, Артур, пока, Марк.

– Пока, – сухо и с непониманием ответил Марк.

Марк был красив: высокий брюнет с большими карими глазами, коренастого телосложения, полные губы, ухоженный, брутальный юноша. В нём была искра, шарм, обаяние, он знал об этом и пользовался этим как оружием своего величия.

– Я их обидел, но чем? Ведь они сами стали со мной шутить, и я решил отшутиться, странные какие-то... А где моё вино? – вспомнил Марк и пошёл на кухню за бокалом вина. Открыв дверь, он увидел там официанта, того самого, что ещё полчаса назад должен был принести бокал вина. Но по сугубо личной причине официант был задержан дамой зрелого возраста. С которой он, ни капли не сопротивляясь, мило щебетал, обмениваясь улыбками и объятиями. Она была уже изрядно пьяна и, как я полагаю, пришла за выпивкой, и её внимание привлёк молодой официант, который и сам не прочь провести время в её компании. Быть может, в нём закралась мысль, что есть вероятность стать её фаворитом, а там недалеко и жизнь в роскоши, ну ладно, с этим всё понятно.

– Официант! – возмущённо позвал Марк его.

– О да, сэр, прошу прощения, меня задержали.

– Я вижу, – улыбаясь сказал Марк. – Можно мне вина, да теперь уж, пожалуй, два бокала, один сразу выпью, второй с собой возьму.

– Да, сэр, – услужливо ответил он.

– Добрый вечер, мадам! – Марк поздоровался с гостьей.

– Добрый вечер, молодой, красивый, составишь мне компанию, уже не молодой одинокой женщине?

– Я бы с радостью, но я женат, у меня двое детей, и я очень верный, а жена ревнива, – с нотками благородства в голосе он разговаривал с ней.

– Вон как, не наблюдаю кольца, юноша, на вашем пальчике.

– Ну да, дело в том, что кольцо было утеряно...

– Сэр, ваше вино, – протянул разнос с вином официант.

– Благодарю, секундочку, – выпив залпом вино, поставил бокал на разнос, второй бокал вина взял с собой.

– Приятно было с вами пообщаться, мадам...

– И мне тоже, сэр! – улыбнувшись, сказала она.

– Ну вы всё же имейте в виду, что я жажду общения! – крикнула вслед ему.

– Хорошо, я буду иметь в виду.

Я, конечно, не против зрелых дам, они прекрасны по-своему – несомненно, но в моём внимании сегодня был интерес увидеть именинницу – это куда гораздо интересней – юный

плод.

Выйдя в зал, он направился к столу, навстречу к нему шла Мария, одна из особ прошлых шалостей.

– Ма-арк!

– Здравствуй, Мария, прекрасно выглядишь, не ожидал тебя здесь увидеть.

– Ну, впрочем, я как раз таки не удивлена нашей встрече с тобой.

– Да уж, что уж там, мне ли сидеть дома, я холост, свободен и...

– Да-да, и не прочь новых свиданий?

– Почему бы...

– Небось, глаз уже положил на дочь Хавьера?

– Вот тут-то ты и не угадала, я её даже ещё и не видел.

– Так у тебя есть такая возможность – увидеть её прямо сейчас, юная особа Лили напротив тебя. Любуйся, Марк, – и ехидная улыбка отобразилась на уголках её рта.

– Спасибо, Мария! Надо же, ты со времени нашего расставания ни капли не изменилась.

– Ха-ха, учусь у тебя.

– Не похоже... Ладно тебе цепляться, ты одна иль с Глорией?

Глория – близкая подруга Марии.

– Марк, я замужем, – сказала Мария, показывая на кольцо.

– Мария, поздравляю, я искренне рад за тебя, – и хотел обнять её, как она резко вытянула перед ним руку.

– Марк, я замужем, ты забыл?!

– Я не забыл, это было бы дружеское объятие.

– Хорошо, милый, желаю провести тебе прекрасный вечер, и я не советую знакомиться с дочерью Хавьера для твоих похотливых развлечений.

– С чего ты взяла...

– Я знаю тебя, Марк.

– Ну-ну, знает она меня, ничего ты не знаешь обо мне, ты сама чего хотела, обзавестись со мной семьёй, детьми? Сомневаюсь, ты вспомни нашу первую встречу. Как ты себя вела? Одна игра твоих глаз чего стоила...

– Фу. Да перестань ты, это ты рассмотрел так моё поведение?

– А как я ещё должен был рассматривать твоё поведение?

– Ладно, Марк, давай не будем портить друг другу вечер. Что было – то было. Приятного вечера! – с осознанием вины пожелала она.

– Спасибо, и тебе приятного вечера, Мария.

Мария пошла к мужу, Марк остался один среди людских теней, его всё больше одолевал интерес познакомиться с Лили.

Что же таит в себе юная особа, здесь много красивых дам, как же я пойму, что одна из них она?

Он начал крутить головой по сторонам, вглядываясь в каждую девушку, пытаясь узнать её, каким образом, он и сам пока не знал, но думал, что, увидев её, он почувству-

ет, хотя мог спросить кого угодно, и ему бы указали на неё, только это слишком просто было бы.

Я делал шаг за шагом в ожидании чуда, был опьянён, одурманен, меня манили только одни мысли – о ней. Сводили с ума, кто она, та, которой принадлежит свет, что сжигает меня изнутри?

Прекрасней её я не знал и не видел... Толпа мельтешила перед глазами, зал роптал, всё сливалось воедино, монотонно. Я решил остановиться и оглядеться, касаясь губами бокала, было уже делал глоток, как яркий свет ослепил меня. С тех пор моему сердцу ещё больше не было покоя, я понял – это она, моя голова погрузилась в туман так быстро и стремительно, она стала объектом для частых дум и трепетных ожиданий, для меня всё застыло вокруг, тишина...

Почувствуйте её вместе со мной. Она полностью проникла, окутывая меня с головой, лишь слышу, как громко стучит моё сердце, ни малейшего движения и лишь она. Словно сквозь людей смотрела на меня, сама меня нашла, моему волнению не было предела, было мгновение – повеянное с её стороны, будто она коснулась меня невидимым светом. В мгновение я разучился дышать, слышите, я разучился дышать, я застыл со всем миром, оно только разрасталось в большой пожар, что это? Множество мыслей окутало мой мозг, быть может, влюбился? Вдруг осенило меня... Довольно-таки быстро – это так не похоже на меня, я не знал, только чувствовал прилив тепла, ласкающий моё сердце, быть мо-

жет, я сгорал, но – это чувство было прекрасно, оно было дано впервые, тем самым раскрывая во мне самое светлое, отображая внутреннее снаружи.

Тем временем Лили вглядывалась в незнакомую ей фигуру. Что-то в ней щёлкнуло, она пристально, не скрывая своего интереса, смотрела на Марка. Что-то внутри не давало покоя, так как интерес к Марку затмил её полностью, она увидела в нём блеск драгоценного алмаза, сверкающего среди серых груд камней. Марк выделялся для неё особенно, он занял в её сердце почётное место. Невидимая нить в тот вечер связала их, с каждой минутой оседала в них, привязывая всё крепче их внутренний мир, полный покоя, духовной гармонии и любви. Только лица, окружавшие их, не замечали того, что посажен плод в их сердцах и он даёт уже ростки.

Лили и Марк только чувствовали, но не знали, что творится с ними. Ведь они впервые вкусили эту соту, в эти минуты они хранили тишину и откровенные взгляды, и никто не решался сделать шаг.

Лили настороженно бегала глазами по всему его телу, словно открывала для себя, что-то новое, как маленький ребёнок смотрит и распознаёт. Марк смотрел на неё с улыбкой нежности. Лили же смотрела на него не как все девушки, она была загадкой, ангелом, в которого хочешь влюбиться, но в меру её чистоты, даже боишься к ней прикоснуться.

– Вечер добрый, Марк Де Лакруа! Вы что-то сегодня весьма скромны, – принц Грекхэм со злорадством в голосе про-

дёрнул Марка, один из клана Давлиных, внук богатейшего Давлина. Который в своё время нажился на горе простых рабочих.

Ростом не выше ста пятидесяти, худощавый, скулы впавшие, глазки маленькие, серого цвета, хитрые, наглые, так и хранят в себе подвох и пакость, волосы рыжие, средней длины. Всегда без изъянов, прилизаны назад, шрам на левой брови у самого основания, всегда отглажен, дорогой парфюм, перстень золотой на указательном пальце правой руки.

– Сегодняшний вечер прекрасен, не правда ли, Давлин? – не отводя взгляда от Лили, сказал Марк.

– То-то и оно, я заметил, – потягивая виски и смотря на Лили, Давлин продолжал подкалывать Марка. – Прекрасный юный цветок! С ней никто не сравнится из твоих принцесс, – усмехаясь, поставил бокал с виски на стол, потёр одну руку о другую и достал сигару из правого нижнего кармана пиджака. Сунув её стремительно в рот и начал мять её в зубах. Марк в ответ молчал и неизменно смотрел на Лили.

Давлин достал зажигалку с серебристым корпусом, на котором были выгравированы его инициалы. Наклонив голову небрежно в сторону, стал подкуривать сигару, затем, виртуозно закрыв зажигалку, он сунул её во внешний верхний карман. Затянувшись и прищулив глаза, он взял сигару в руку, выдыхая клубы дыма, начал пристально смотреть на Марка, он поднял носок левой ноги и стал вилять им из стороны в сторону, а затем с язвой в голосе спросил:

– Интересно, а какая она в постели?

Марк молчал и только чувствовал, как начинал закипать в нём гнев.

– Я думаю, она совсем без опыта. Ну конечно, откуда ему взяться, хотя знаешь, я бы мог её научить всяким развратным штучкам, – сказал Давлин, скользя извращённо глазами по телу Лили.

Марк не выдержал и схватил Дэ за ворот пиджака, намереваясь ударить.

– Марк! – с неистовой яростью выпалил Дэ.

– Закрой свой рот, ты... жалкий... – на что Дэ только смотрел и улыбался, говоря ехидным голосом:

– А что я, ты сам-то ни одной юбки не пропустил в городе, уверен, что её юбка следующая в твоей коллекции.

Лили увидела грубость со стороны Марка к Дэ и, не скрывая интереса, целенаправленно пошла к ним.

– Добрый вечер, судари! – улыбнувшись и смотря на них своими большими чёрными глазами, продолжила свою речь: – Я Лилия, а вас как зовут?

Оба с удивлением и растерянностью уставились на неё. Такого поворота событий они, конечно, не ожидали, Марк продолжал держать Дэ за ворот и смотреть на неё.

– Я, конечно, извиняюсь, может, это не моё дело, и всё же вопрос сам соскакивает с языка. Зачем вы держите молодого сударя за ворот пиджака? Это говорит о плохом воспитании, к тому же вы не в подворотне, а на балу находитесь,

сдерживайте свои эмоции. В крайнем случае можете ущипнуть его за подмышку. Никому не бросится в глаза и себе доставите удовольствие, тем самым рассчитавшись со своим обидчиком.

Марк сглотнул слюну и, резко отпустив Дэ, вытер руку о подол своего пальто, протянул её Лили.

– Добрый вечер, сударыня! Э-э... прошу прощения за своё поведение, оно не выражает никакой опасности для общества, мы просто так здороваемся, – и, взглянув на Дэ, хлопнул его по плечу, закончив фразой: – Да же, Дэ?

Дэ только взглянул на Марка и мило улыбнулся Лили.

– Я Марк Де Лакруа, – показал левой рукой на себя и протянул её Лили, чтобы поздороваться с ней, на что она ответила взаимностью, протягивая свою руку ему навстречу.

– Будем знакомы!

– Будем, – при этих словах голос Марка дрожал. Но оказалось, почувствовать тепло её руки, и коснувшись губами её кисти, было куда сложнее. Потому что в эти секунды казалось, будто он взлетел, облетел весь зал и вернулся на место.

– А как вас зовут? – обратилась Лили к Дэ.

– О-о-о, сударыня, меня зовут Грекхэм Давлин. Но вы меня можете называть просто Дэ, коротко и ясно.

– Хорошо, Дэ.

Лили радовалась каждому своему новому знакомству, её это восхищало, она видела в людях только положительные черты характера, не копалась в них, не пыталась понять, кто

они и что они...

Ей был интересен каждый новый типаж, несмотря на Дэ, какой он сам по себе противный, ехидный, так и норовит сотворить какую-нибудь пакость. Лили в нём разглядела ребёнка, которому не хватало родительского внимания, обиды от сверстников, он закрылся от всего светлого, думая, что эта стена его спасёт. Со временем эта стена переросла в привычку, затем просто в жизнь, как будто так и должно быть.

Лили увидела в нём ребёнка, до глубины души изрезанного обидами, и эти порезы – они не затягивались подолгу, перерастая в одну большую болячку.

Лили, не скрывая своего милосердия, обратилась к нему: – Дэ, позвольте украсть у вас минуточку вашего внимания? – она отвела его в сторону.

– Конечно... конечно... Вам хоть вечность, сударыня, – Дэ был польщён и заинтересован тем, что она позвала его.

– Дэ, вы знаете, вы прекрасный мужчина, вдохновленный с сегодняшнего дня. Я вижу, в вашей душе сидит боль, и я хочу помочь вам, я понимаю, что, возможно, моя помощь и не нужна, и всё же...

На лице Дэ застыл вопрос.

– Выпустите из себя ту серую массу, которая накопилась в вас с годами, вы увидите, как любовь ворвётся в вашу жизнь, я знаю ведь, вы этого хотите.

Взгляд Дэ устремился в сторону, ведь он никак не ожидал, что в его жизни может произойти что-то подобное.

– Дэ... – Лили коснулась его рук, – посмотрите на меня, пожалуйста.

Дэ почувствовал себя как на исповеди. Какое-то недоразумение, что он возмущён и вообще он испытал стыд, почувствовав себя обнаженным, и не мог даже проронить и слова.

– Дэ... ну посмотрите на меня, не закрывайтесь, не бегите, просто посмотрите на меня.

Но он продолжал стоять, безмолвно смотря в сторону, словно его сковало, Дэ чувствовал себя камнем: грубым, холодным, безжизненным. Он отчаянно пытался бороться с собой, но всё было тщетно, внутренняя обида хватала его, казалось, за горло и душила.

Лили подошла ближе к Дэ, взяв обеими руками его за лицо, она повернула его голову так, чтобы их глаза могли встретиться, коснуться друг друга, Дэ хотел было сделать шаг назад, но Лили перекрыла все его пути.

– Не противьтесь, слышите меня, Дэ? Я здесь, рядом. Я не дам вас в обиду. Вы всегда хотели слышать эти слова... ведь так?

Каждая мышца его лица была напряжена, в его глазах застыл страх.

– Дэ, я вижу, в ваших глазах есть любовь, но она рассеяна, ведь это же не беда, никогда не поздно начать. Любовь не убегает далеко от нас, вы её только позовите, и она придёт, желанная. О которой вы в данный момент только грезите, и ведь не только ночами, ведь так, Дэ? – и это было

сказано с такой любовью, с такой нежностью, что лёд в груди Дэ тронулся с места, мышцы лица одна за другой начали расслабляться, и через несколько секунд Дэ засверкал, как новенький цент, его щёки порозовели, глазки заблестели.

Дэ почувствовал, как в каждую частичку его тела, сердца, души – устремился огромный поток горячего воздуха, это тепло развеялось повсюду.

– Вы... Вы... у меня нет слов... как я благодарен вам...

Они смотрели, не отводя глаз друг от друга, затем, не сдерживая слёз, оба засмеялись.

– Сударыня!

– Тише-е-е, – она приложила пальчик к губам Дэ. – Зови меня просто Лили.

– Хорошо... Хорошо... Лили.

– Ты знаешь, мне как раз не хватает верных друзей, хотелось бы тебе первым вступить в их ряды?

– Да, конечно же...

– Тогда друзья? – она протянула руку Дэ.

– Друзья, – улыбка любви растеклась по лицу Дэ, и он поспешил протянуть ей руку навстречу.

В жизни Дэ произошёл огромный переворот – это то, чем жизнь наполнилась Дэ, это смысл, которого ему так не хватало, это любовь, это свет, он стал светом, и он излучал его.

– Сударыня, сударыня, прошу прощения за мою наглость, хочу увести у вас кавалера, – сказала бывшая жена Ланселота сударыня Адель. Давно испытывала какое-то далеко скрытое

чувство к Дэ, но постоянный холод внутри него отталкивал её, только не в этот раз, сегодня не только Дэ обрёл это тепло, но и окружающие его люди.

– Ну что вы, всё хорошо, да, Дэ? – ответила Лили, лукаво посмотрев на него при этом. На что он ответил Лили и сударыне Адель улыбкой.

– Я понимаю, в наше время не принято приглашать на танец первыми особам слабого пола. Но что-то внутри меня подсказывает, что именно вас, господин Давлин, я могу пригласить... – не успев договорить, Дэ не раздумывая перехватил Адель, подчёркивая тем самым своё внимание к ней.

– Безусловно! Я принимаю ваше предложение! – он взял её за руку, и они направились в центр зала.

– Сударыня, мы покидаем вас.

– Желаю хорошо провести вам время!

– Спасибо, и вам тоже!

Тем временем Марк наблюдал за всем происходящим со стороны и никак не мог понять, что происходит. Он даже было подумал, что Лили определённо обратила внимание на Дэ. Вначале его это разозлило, потом разочаровало и обеспокоило, он не находил себе места. Опустошая бокал за бокалом вина, он понимал, что это не выход из положения. Ещё чуть-чуть, и он подбежал бы к ней, не тая рассказал бы ей о своих чувствах. «А что она? – думал он. – Что она ответит? Как она отнесётся к его правде? Наверняка это выглядело бы нелепо, какие могут быть чувства? Ведь они

едва знакомы. Это не подлежит никакому объяснению, это есть, и всё».

– Марк, где вы? – смотря пристально и обеспокоенно на него, спросила она.

Марк растворился во всём происходящем, уже ни о чём не думал, он просто был, отпустив все мысли, его взгляд застыл на одной точке.

– Что? – немного отходя от своего замкнутого состояния, за считанные секунды подумал о том, что с ним происходит.

– Марк, обратите на меня внимание, я начинаю уже волноваться за вас, что с вами происходит? – водя рукой перед его лицом.

– Что? А, это вы, Лили!

– Я, да, это я, вы абсолютно правы!

И он в одночасье начал растекаться, забегали глаза, язык развязался.

– Вы застыли в ожидании кого-то другого?

– Нет-нет, что вы, именно вас... просто я, видимо, немного перебрал... а-а-а, вы же с Дэ?..

– Да, мы уже поговорили с Дэ, вон посмотрите на них.

– На кого? Что-то я не совсем понимаю.

– Ну как же, на Адель и Дэ, что-то мне подсказывает, что этот танец не последний и будет ещё продолжение банкета, – улыбаясь Лили наблюдала за их танцем.

На что Марк небрежно спросил:

– С чего это вы взяли, сударыня? Я, конечно, удивлён, что

Дэ танцует, да ещё и со столь прекрасной дамой, обычно он смельчак в своих высказываниях, но никак не в делах.

– Ну зачем же вы так, он, между прочим, очень внимательный и добрый.

– Вы это поняли, поговорив с ним совсем немного, проникли в его сердце, душу, в конце концов, покопались в его мозгах?..

– К чему весь этот сарказм, вам легче?

– Что? О чём это вы, сударыня?

– Вам стало легче от того, что вы сказали в его адрес?

– Нет, я просто...

– Вы просто... так и думала, я вас чем-то обидела, коль вы позволяете себе в таком тоне со мной говорить? Вам неинтересно общение со мной, вы хотите поговорить о Дэ? А может, Марк, вы считаете себя лучше и умнее других, а, Марк?

Марк понял, что он вспылил, поддался своим эмоциям, тем самым огорчив Лили. Чего как раз таки он больше всего боялся.

– Что-то мне подсказывало, что вы другой, – она смотрела в его глаза, пытаясь понять его, в чём причина такого поведения.

Марк встрепенулся, как птенец, только что нашкодивший.

– Лили... – Марк взял её руку и прижал к своему сердцу.

Реакцией Лили было смущение, она почувствовала, как потоки горячей крови хлынули к сердцу, паника охватила её, и вопрос в голове повис: что он делает?

– Что с вами, Марк, вам плохо? – с волнением и дрожью в голосе спросила она.

– Да, мне плохо... причём давно.

– Так, может, стоит кого позвать на помощь?

– Нет... вашей помощи мне будет куда предостаточно! – улыбаясь сказал он. В этот момент Марк почувствовал себя героем, энергия смелости наполнила его, он выпрямился, сжал покрепче её руку и погрузился в её глаза.

– А чем я могу помочь, скажите мне, пожалуйста?

– Хорошо, может, тогда для начала перейдём на ты?

– Хорошо, я не против.

– Замечательно, мне так приятно чувствовать тепло твоей руки на моей груди.

Лили возмутилась, округлила глаза и хотела было убрать руку, но Марк не отпустил её.

– Что вы?

– Ты, – он улыбнулся. – Мы же договорились обращаться друг к другу на ты.

– Да-да, я знаю, это сложно... ну, так быстро... перейти на ты.

Марк коснулся губами её руки, затем, обхватив её второй рукой за талию, подтянул ближе к себе, коснулся губами её ушка, для того чтобы сказать ей о том, что он испытывает к ней.

В этот момент в душе Лили было вспыхнул бунт, и в тот же момент его погасила страсть, которая обуздала её, растека-

лась горячими струйками по всему телу.

Марк почувствовал её. Почувствовал, как дрожь пробегает по телу, оно становится мягким, податливым, горячим, щёчки и глаза не скрывая говорили об этом.

– Лили, прости меня, пожалуйста! Видит бог, я не хотел тебя обидеть, ты прекрасна, с того момента когда я просто был наслышан о тебе, не зная тебя, не видя, я тогда уже почувствовал сердца трепет, меня сковал страх, и моя вспыльчивость в какой-то момент поглотила меня. И я не смог сдержать своих эмоций при виде тебя с Дэ. Я знаю, что это нехорошо, и я прошу у тебя прощения.

– Но я... – хотела было она рассказать.

– Тише-е-е... не перебивай меня, пожалуйста, я так волнуюсь, что боюсь сбиться и разучится говорить. Ведь мне так много всего надо тебе сказать, все, что сейчас ты слышишь, это идёт из глубины моего сердца. В данный момент я себя чувствую самым счастливым человеком, ведь я здесь, я сейчас рядом с Богиней. Лили... ты разбудила меня, ты подарила мне любовь, такое чувство, что сейчас говорю я, и в то же время это не я, или новый я... как-то так... Признаться честно, раньше я не знал, что это такое, чувствовал только телом – удовлетворение физическое и никакой любви. Думал, этого достаточно, достаточно просто близости между мужчиной и женщиной. Каждый раз сближаясь с разными девушками, я чувствовал себя хорошо, но не так, как сейчас. С тобой мне впервые не хочется... ну я, конечно, не то что-

бы... с тобой мне хочется духовной близости. Я... я люблю тебя, Лилия, может, ты скажешь, что какая любовь? Ведь мы сегодня впервые познакомились... не спору, но чувства сильнее меня, не буду сопротивляться этому. Я пойму тебя, Лили, если ты сейчас не поверишь мне.

Она встала на носочки, выпрямила спину, прижавшись к нему вплотную. Отчего у Марка спёрло дыхание, и, коснувшись губами его уха, сказала:

– Марк.

– Да?

– Марк, я тебе верю, это чувство и во мне, просто раньше о любви я украдкой от родителей читала только в книгах. Не знаю, как это происходит, но так даже интересней, – Лили заулыбалась. – Мой природный инстинкт говорит, что это прекрасно. Я верю тебе. Но сказать тебе «люблю» я пока не могу. Пока в действительности не узнаю, что это такое, как это – любить родителей, животных и кого-то ещё. То есть мужчину... Я не знаю...

– Ты почувствуешь, это и я знаю, что ты и сейчас это чувствуешь, как всё пульсирует.

– Возможно... – и её щёки налились румянцем.

Лили всё понимала, чувствовала, но утаивала. Она ждала дополнения, чего-то яркого, когда сердце заговорит, хотела распознать, действительно ли это любовь на ранней стадии или это что-то большее, либо это пылкая страсть? Возможно, со временем увянет, развеется, и не останется и следа от их

фальшивых чувств. Страсть – это мимолётное время, она капризна и обманчива, она роняет слова любви понапрасну, она не слушает сердце – это просто игра, игра, в которую Лили не хочет играть.

– Может... – Марк хотел пригласить её на танец, но в этот момент отец позвал её.

– Лили, Лили, доченька? – он быстрыми шагами направлялся к ним.

Марк выпустил из своих объятий Лили.

– Да, папа? – немного с волнением, поправляя платье, отозвалась она.

– Добрый вечер, Марк Де Лакруа!

– И вам добрый вечер, Хавьер Вьюри! – с почётом и уважением приветствовал его он.

– Я вижу, вы уже познакомились, – улыбаясь, неодобрительно посмотрел он на Лили, затем перевёл взгляд на Марка.

Отчего Марку стало не по себе, и от пылающих ощущений к Лили резко сменилась температура его тела на холод, ладонки стали потеть, и комок волнения уже подкатил к его горлу.

– Да, мы познакомились уже, – сказал Марк, еле выговорив эти слова.

На что Лили просто молча посмотрела на отца.

– Я заметил, что вы так близко обсуждали? Если, конечно, не секрет?

Не выдержав нападок отца, Лили отреагировала возму-

щённо:

– Конечно, секрет.

– То есть? – не менее возмутился отец.

– То и есть, папа, секрет мой и Марка, да, Марк?

На что Марк не смог проронить ни слова, смелость его покинула, в ответ он только кивнул головой. Было заметно, что сейчас пойдёт из ушей отца пар, так как такой дерзости от дочери он никак не ожидал. Лили, долго не раздумывая, взяла отца под руку и решительно направилась подальше от Марка, сказав ему лишь:

– Я рада нашему знакомству, ещё увидимся.

– Да-да весьма, я тоже рад, до встречи! – слова «до встречи» он уже сказал про себя. Смотря вслед уходящей Лили и её отца.

– Лили, я крайне возмущён и обеспокоен...

– Не стоит, отец, нет повода для твоего беспокойства.

– Ты знаешь, кто он?

– Кто... Марк Де Лакруа?

– Да, он самый...

– Знаю, он внимательный, добрый, весёлый, что ещё я должна о нём знать?

– Детка, кто тебе такое сказал?

– Никто, пап, я сама знаю...

– Да он... – отец рассвирепел, – таких молоденьких, наивных, непонимающих девочек обольщает, вступает с ними в близость, потом бросает, а ты сейчас с ним только что

по какой-то неведомой мне причине соприкасалась и довольно-таки близко, ещё говоришь, что нет повода для беспокойства?

– Да нет... – ничуть не меньше разошлась она. – Папа, вы мне сказали, что вмешиваться в мою жизнь не будете и что стоит слушать своё сердце, ведь так?

– Ну, конечно, так, но, Лили, доченька....

– Так почему вы сейчас противоречите своим словам, пытаясь тем самым ввести меня в заблуждение и тем самым показать, что вы не доверяете мне?

– Лилия... прости меня, возможно, я не прав. Но я твой папа, именно поэтому мне свойственно за тебя беспокоиться.

– Я знаю, но вы должны доверять мне, обещаю, что недуманных поступков я не сделаю, либо с вами, либо с мамой посоветуюсь. Но только когда действительно не буду знать, как мне поступить в той или иной ситуации. Для меня очень важно, чтобы вы с мамой верили мне, и раз на то пошло, Марк мне рассказал всё о себе.

– Что всё? – удивлённо спросил он.

– Всё, пап.

– Интересно... хорошо... но...

– Пап, я знаю, – улыбнувшись, она обняла его и поцеловала в щёчку. Хавьер смягчился.

– Я думаю, пора закругляться.

– Отчего же?

– Ну, как бы время уже, достаточно на сегодня для пребывания гостей в нашем доме.

Хавьер обнял Лили. Прижал поближе к себе и со взглядом мечтателя углубился в размышления, всматриваясь вдаль, не обращая внимания на близстоящих гостей.

– Я даже не мог себе представить, что ты когда-то вырастешь. Конечно, понимаю, это естественный процесс, и всё же я всегда думал, что ты будешь моей маленькой, лет шести, принцессой с двумя заплетенными косичками, что постоянно просила меня показать море. Помнишь, как ты постоянно отрывала меня от моей рутинной писанины только для того, чтобы побыть со мной рядом?

– Да, я помню, пап.

– Эх... это было прекрасное время, – вздохнув, с грустной ноткой сказал он.

– Да-а-а...

– Как ты смотришь на то, чтобы на следующей неделе всей семьёй отправиться в поход, ну или, может, на пикник? Пора закругляться, все уже изрядно подвыпившие, не хватало чтобы ещё отношения стали выяснять. Прекрасно понимаю, что наши гости интеллигентные, воспитанные дамы и господа. Всё же не стоит недооценивать выпивших людей. Лили, вот тебе на будущее часть наследства, в словах, конечно, остальное позже приложится: надо уметь вовремя остановиться или остановить.

Лили смотрела на отца и кивала головой, тем временем

думала о Марке. Он же находился в шагах тридцати от неё, всё это время не отводил от неё глаз. Мечтательно вздыхая и думая о том, какая же всё-таки она красивая.

– Пап, знаешь... я вот тут подумала.

– Да, Лили? – Хавьер высматривал свою жену, чтобы всей семьёй поблагодарить гостей и попрощаться с ними.

– А давай пригласим на пикник Марка и Грекхэма Давлина с Адель? – прикусив губу, спросила она.

Ответом последовало молчание, затем:

– М-м-м-да, дорогая. Я думал, это будет семейный пикник?!

– Ну да, но они мои друзья, а друзья ведь – это тоже семья.

– Лили, – выдохнул он, – не стоит считать друзьями первых встречных.

– Пап... ну мы же говорили уже об этом, я не хочу сейчас это снова обсуждать. Вы помните наш разговор? Каким бы ни было моё решение, я прошу вас одобрить его, помните?

– Да-да, помню, – нахмутив недовольно брови, ответил он.

– Значит, да?

– Да.

– Тогда я пойду приглашу их.

– Аха, иди.

– Ну пап, почему вы такой? Мне очень важно, чтобы вы доверяли мне, ваше доверие подрывать я не хочу и больше возвращаться к этому разговору тоже не хочу.

Отец молча улыбнулся ей, дав понять, что он согласен с её решением, кивнув головой. Он понимал, что она уже выросла и вправе принимать решения сама, и всё же строжился, если не он, то кто ведь, он наслышан об этом Марке, а Лили – она же юная, добрая, наивная... и тут он решительно настроился, что его девочка умная и она не даст обвести себя вокруг пальца.

Давлин и Адель мило беседовали у входа в гостиную.

– Вот вы где! – радостно сказала она. – А я вас ищу!

– Что-то случилось? – в один голос спросили они.

– Да, случилось! Приглашаю на пикник, мы в следующую среду с семьёй выезжаем на природу, и хотела, чтобы вы присоединились к нам.

Давлен с Адель переглянулись и не раздумывая дали ответ:

– Конечно! С удовольствием принимаем твоё приглашение.

– Вот и прекрасно! Значит, в среду в десять буду ждать вас у себя.

– Договорились!

– Всего доброго!

– И тебе, дорогая!

Лили светилась от счастья, грань, которую хотел для неё прочертить отец, понемногу исчезала, Лили свободно и легко приближалась к Марку. Он стоял к ней спиной, разглядывая их семейные портреты, она подошла к нему очень близ-

ко, коснувшись нежно его плеча.

– Марк? – взволнованно она обратилась к нему.

Он не ожидал, конечно, вновь увидеть её, после того как она ушла с отцом.

– Лили, как я рад снова тебя видеть!

– Я тоже, Марк, ты знаешь, мы на следующей неделе в среду с родителями едем на пикник, и я хотела бы, чтобы ты к нам присоединился.

– Хм... то есть ты меня приглашаешь?

– Совершенно верно.

– А как же твой отец, сегодня при встрече его взгляд мне показался весьма неодобрительным.

– Тебе действительно показалось.

– Ха-ха, вот как, ну тогда я не вижу ни малейшей причины в том, чтобы отказать тебе в приглашении. С любезностью принимаю его! – улыбаясь сказал он.

– Кого его? – удивлённо спросила она.

– Приглашение поехать на пикник, Лили.

– А, ну да, значит, ты согласен?

– Абсолютно!

– Хорошо, тогда до встречи!

– До встречи, милая! Ах, Лили, позвольте свою ручку?

– Для какой надобности?

– Чтобы проститься, сударыня, с вами.

– Хорошо, прошу, – и она вытянула свою правую руку, Марк, долго не думая, коснулся пальцами её ладони и поце-

ловал, выражая тем самым своё внимание и уважение.

– До встречи, моя милая Лили!

2.

Солнце было уже высоко в небе, обжигая своими горячими лучами всю землю, лёгкий ветерок шевелил листочки на деревьях с лёгкой утренней прохладой, заходя в гости в открытые окна, раздувая занавески и обдувая лица спящих, словно лаская, тем самым ветерок будил их, а на помощь ему пришло солнышко, лучи которого скользили по всем спящим. Не обошлось и без пения птиц. Они хором запевали на близрастущих ветвях у окон то пронзительно длинные свирели, то короткие свистки. Природа проснулась, ожила, а вместе с ней и всё вокруг. Солнце сменило луну, кваканье лягушек на местном пруду в черте поместья на пение птиц, запах зелени, ароматы цветов, веющие из сада – это всё прекрасное лето, безмятежность, пора любви и трепета. Лили ловила минуты счастья, она глубоко вдохнула свежий воздух, потянувшись во весь рост, и замерла, открыв один глаз, а второй прищулив – солнце светило прямо ей в лицо. «Какое сказочное утро, – подумала она. – Жизнь прекрасна!» Приподнявшись немного повыше на подушку, тем самым спрятавшись от солнышка, милая леди остановила свой взгляд на потолке, прислушиваясь к звукам за окном... погрузившись в мысли о сегодняшнем дне, хотела бы-

ло помечтать, но не тут-то было, все её начинающие мечты развеял стук в дверь – это была экономка Мария Росо, она не только экономка, Мария также делает всю работу по дому: стирка, уборка, глажка, готовка, и её вполне всё устраивает, хозяйева не скупятя: деньги, еда, проживание. Мария работает у них уже как двадцать пять лет, и её приняли в тёплые семейные объятия как члена семьи. Марии также позволяют находиться за одним столом во время трапезы и семейных разговорах.

Стук в дверь повторился.

– Лили, милая, – дверь приоткрылась.

Лили повернулась на бок и улыбнулась.

– Доброе утро, Мария!

– Доброе, сударыня! Пора вставать, умываться, завтрак уже на столе, родители попросили вас разбудить.

– Благодарю, Мария, передайте родителям, будьте так любезны, что я уже встала и скоро спущусь к столу.

– Хорошо, сударыня, так и передам.

– Мария.

– Да?

– Мы уже столько лет с тобой знакомы, ты мне как сестра, необязательна вся эта официальность, можно просто Лили и на ты.

– О, моя госпожа, я бы с радостью, но ваши родители...

– Твои, твои, Мария, я понимаю, в их присутствии я сударыня, между нами просто Лили, просто ты, хорошо?

– Хорошо, Лили, правда, это так непривычно.

– Вот и договорились.

– Да, мы ждём тебя, – в ответ Лили улыбнулась ей.

Умывшись, Лили распахнула дверцы своего гардероба, всматриваясь в каждое платье. «Так-так, сегодня особенный день, что же, что же... какое платье надеть?» – подумала она. И среди множества пышных нарядов её взгляд остановился на платье нежно-бирюзового цвета: никаких пышностей, талия заужена, низ более свободен, не прилегает к ногам, длинна сосредоточена на щиколотке, скромно, красиво.

«Вот оно, – восхищённо подумала Лили, – в нём я, пожалуй, и пойду», – и поспешила переодеться.

– Мария, вы разбудили Лили?

– О, да-да, господин, она попросила передать, что скоро спустится к столу.

– Замечательно, вы, кстати, прекрасно выглядите, Мария.

– Спасибо, сэр, – ответила смущённо она и одновременно подумав: «Что это с ними со всеми происходит, странно, но приятно».

– Я так полагаю я сегодня более расторопен, нежели другие?

– Вы правы, сэр.

– Мария, можете подавать вино к столу, красное 1823 года, моё любимое – Жамсель Лусаро.

– Да, сэр.

В дверях столовой показалась Антуанетта, жена Хавьера,

подкравшись на носочках к нему сзади, обхватила его шею двумя руками.

– Доброе утро, дорогой! – сказала она, поцеловав его в губы.

– Доброе утро, милая! Ты изумительна, твои благовония, дорогая, сводят меня с ума.

– Спасибо, Хавьер.

– Это ты поэтому так долго собиралась? Душилась, наносила мазки красками на свои глазки, – он подсел к ней поближе, смотря в глаза, стал нежно водить пальцами по лицу. – Щёчки румяня и припудривая, на губки нанося масла, – коснувшись их двумя пальцами, он приблизился к ней ещё ближе, настолько близко, что можно было чувствовать дыхание друг друга на коже, оно расстиралось тонким слоем по лицу, будоража кровь, пальцами второй руки он дотронулся её шеи, и мурашки пробежались в тот миг по всему её телу, глаза их соприкоснулись, можно было увидеть в них разгорающееся пламя.

– Дорогая, я чувствую вкус твоих губ, даже не коснувшись их, – и в считанные секунды он губами коснулся её губ, затем глаз, потом отклонился немного назад, посмотрел на неё и сказал: – Антуанет, я люблю тебя!

Она застыла, думая, что ей это снится, таких моментов в их жизни не происходило с тех пор, как родилась Лили, жизнь была обыденной: вечно работа, усталость, нет времени и т. д.

– Милая, с тобой всё в порядке?

– Может, мы отложим поездку на другой день?

И сквозь безмолвность, сквозь тишину раздался пронзительный смех. Засмеялся Хавьер, Антуанет поддержала его, они оба залились смехом, вернувшись в прошлое на много лет назад, дежавю такое уже бывало: исчезает стол, стулья, дом, и они вдвоём на берегу озера ещё задолго до свадьбы, роскошный берег, усталый зелёной травой, высокий старый дуб: в знойные, жаркие дни они спасались под его могучими ветвями от палящего солнца, держались за руки, смотрели в глаза, жили, просто жили, купались в этих лучах и смех, что порой до слёз, до боли, приятной боли – этого не забыть уже никогда, и именно сейчас был этот момент. Спустя столько лет он вновь раздался в их сердцах, в этих стенах, что за время обветшали, помрачнели, обросли рутиной и суетой, они восторжествовали, и всё нарощенное с годами осыпалось.

– Вот это да, милый, – Антуанет обняла его так нежно-нежно. – Что это было? Я чувствую себя смущенно и растерянно, как в день нашего знакомства, как девчонка.

– Да, я знаю, это рассвет нашей жизни, и ты знаешь... ведь я то же могу сказать и о себе, я забыл о возрасте, почувствовал себя молодым и влюбленным, ведь со временем это переросло во что-то немое: столько работы, мысли, проекты и... кажется, не оставалось времени для самого главного – для любви, для слова «любимая», мы теряем себя в каждо-

дневной суете. А в этот миг словно рука ангела меня коснулась, разбудила моё сердце, сняв с глаз пелену, и я воспрял духом, и этот запах, этот аромат, – он защёлкал пальцами, смотря на неё, – я его почувствовал, слышишь, милая? – он повернулся вокруг себя два раза и засмеялся. – Я помню его, Антуанет.

– Хавьер, ты как мальчишка, ей-богу.

– Ну и что тебе не нравится?

– Нравится, очень.

– Почему? – он подбежал к ней, взяв её легонько двумя руками за плечи. – Почему, милая Антуанет, ты не пользовалась этим парфюмом столько лет и именно сегодня ты нанесла его за ушки, на шейку и запястья, что побудило тебя?

– Я не знаю, просто решила вчера перебрать старые вещи и... среди всего увидела флакон моих первых духов, которые мама подарила мне на восемнадцать лет.

– Это восхитительно, – он сел рядом с ней и взял её за руку. – Я помню тот дивный вечер, и о нём повеяло в момент, когда ты подкралась ко мне сзади и так нежно поцеловала, твой аромат коснулся меня, и тотчас нахлынули воспоминания. Помнишь июль 1875-го, вечер, когда родители уехали в Хорватию на похороны твоего деда, ты осталась с домработницей и няней Сарой, я тогда так сильно по тебе соскучился, вскочил на вороного и помчался к тебе, подъехав к тебе, я перелез через изгородь, горел свет в твоём окне, как сейчас помню, ты сидела у окна, готовилась ко сну, а Сара

расплетала твои косы, окно было открыто, ведь было лето, я любовался тобою, и мне так захотелось к тебе, обнять тебя, и я решил постучать в дверь, помнишь?

– Да-да, конечно, помню, у Сары тогда такое лицо было: кто это может стучать в столь поздний час? – говорила она смеясь. – Говорю: «Не знаю», а она мне: «Сударыня, закройте окно, а то мало ли что, родителей нет, вдруг какие разбойники». Признаться честно, я немного испугалась тогда, подошла к окну, чтобы закрыть его, а там ты стоишь и улыбаешься, ну вот тут я всё и поняла.

– А у меня в тот момент дыханье спёрло, говорю: «Выходи!», а ты: «Не могу». «Ну пожалуйста, я так соскучился по тебе!» Ты помолчала, а потом сказала: «Хорошо. Сара уснёт, и я выйду».

– Да, помню, у меня тогда у самой дыхание спёрло, и бросало в дрожь, я тебе сказала спрятаться. Она зашла вся ошарашенная, – и Антуанет засмеялась, – с испуганным лицом, – Хавьер тоже засмеялся. – «Не пойму, – меняя голос, стала рассказывать она, – что это было?» – А я ей: «Что, что случилось, Сара?» – «Спрашиваю: кто? Молчат, насмелилась, взяв швабру в руки, открыла дверь, а там никого. Думаю, может, мне показалось, не могло. Вы ведь тоже, сударыня, слышали». Я ей:

– Ну, что-то слышала, возможно, это что-то упало.

– Да, быть может. Вы закрыли окно?

– Я подумала, что для этого нет надобности.

– Ну как же, это вы зря, подстраховаться не мешало бы, мало ли... Ваши родители с меня потом шкуру живьём сдерут.

– Шкуру, Хавьер, слышишь, да? – и они опять засмеялись. – А я ей: «Да что вы, на улице такая жара, дышать нечем».

– Жар не холод, да и к тому же дождём пахнет, чую я, ночью дождь пойдёт.

– Пришлось закрыть. А вот насчёт дождя она права была, надо же, прорицательница – учуяла.

– Да, – Хавьер ответил смеясь.

Антуанет задумалась, вернувшись в те дни.

– Сара выключила свет, а я лежала в кровати и думала о тебе, думала лишь о том, чтобы не уехал, только бы дождался меня, а Сара, как назло, долго не ложилась спать, всё шароборила – ходила.

– Аха, а я сидел в ожидании чуда, готов был просидеть до утра, лишь бы ещё раз хоть одним глазком взглянуть на тебя.

– Я лежала – ждала, когда, в конце-то концов, она уляжется, и к тому времени сама задремала.

– Вот-вот, я как чувствовал, свет во всём доме давно уж погас, а моей суженой так и не видать, ну и давай кидать камешки в окно, и чувствую, как что-то мокрое упало мне на макушку, поднял голову и посмотрел на небо, небо было окутано маленькими тёмными облачками, и сквозь них

изредка проглядывал блеск звёздочек, луна-красавица освещала твоё окно, я понял: пошёл дождь, капли дождя касались моего лица, закрыл глаза, развёл руки в стороны и проникся в окружающую среду – стать одним целым с природой, и это было прекрасно. Дождь стал усиливаться, и я, конечно, не против был промокнуть до нитки, и всё же моим желанием было увидеть тебя, и, долго не думая, снова стал кидать камешки в твоё окно, надеясь, что ты спишь не крепким сном...

– А я за день так умаялась, что как только коснулась подушки, сразу же уснула. Мне снилось, как я плыла на лодке, а ты стоял на берегу и выкрикивал моё имя, при этом кидая в воду большие камни, и их звук с каждым разом усиливался всё громче и громче, потом от этих камней стали подниматься волны, раскачивая и захлёстывая лодку, мне пришлось стать, так как я испугалась, и следующая волна, которая приближалась ко мне, была пуще предыдущих, она коснулась лодки, и та накренилась, а я упала в воду и, проснувшись, резко вскочила, первый мой взгляд был направлен в окно. Дождь стучал по карнизу, луна освещала всю комнату, и в тот момент я подумала: надо же, Сара была права. Вспомнив сон и что ты меня ждёшь, я обеспокоенно слезла с кровати и подбежала к окну, распахнув его, свежий воздух вперемешку с прохладой дождя окутал меня с головой, от такой неожиданности я прикрыла глаза и вдохнула свежесть этой живой ночи, которая проникла в каждую клеточ-

ку моего бытия. Приятная истома пробежала мелкой дрожью по всему моему телу. Глаза лучились при виде тебя.

– Да, я в тот момент оторопел – неужто достучался? Вымок насквозь в прямом смысле этого слова, но мне это нравилось. Капли дождя стекали с волос по лицу, по губам, одежду можно было снимать и выжимать, переживать об этом повода не было, я любовался тобою.

– Я стояла, смотрела на тебя, на то, как ты прекрасен. «Хавьер, я знаю. Ждал меня так долго, подожди ещё минуточку, уже спускаюсь», и в этот момент я услышала слова, которые обожгли мою душу, тысячи раскаленных иголок проникли под мою кожу и взорвались во мне, впитываясь в каждую частичку моего тела. «Конечно, любимая», – вот именно эти слова взорвали мой мозг.

Она улыбнулась в ответ.

– Во мне не было страха, что могу разбудить Сару или что я в сорочке, а на улице дождь, я спускалась по лестнице, чувствуя себя окрыленной, во мне всё пересохло, и ощущение было такое, что единственный источник, который может утолить мою жажду, – это был ты. Щёлкнул замок, и я на пороге веранды, ты подбежал ко мне, осмотрел с ног до головы и сказал: «Глупенькая, ты почему ничего не накинула на себя?» – «Не хочу, мне и так тепло, и к тому же не сахарная, не растаю». Ты заулыбался и начал расстегивать сюртук, пуговка за пуговкой, твои пальцы спускались всё ниже, честно сказать, тот момент мне был непонятен. Зачем ты рассте-

гиваешь сюртук? За ответом последовали действия: ты его снял и накинул сверху мне на плечи, при этом говоря: «Наверное – это глупо, ведь он мокрый». – «Ничего-ничего, так мне теплее, правда». Я соврала, моя сорочка была очень тоненькая, она ведь предназначена для сна, а не для ночных походов под дождём, поэтому она моментально пропиталась водой и стала прозрачной, под сорочкой из нижнего белья ничего не оказалось, пришлось застегнуть сюртук, чтобы ты не увидел мою грудь, которая тогда замёрзла, как и я, ведь мы одно целое. Хоть было и темно, луна светила куда надо, и моя грудь, особенно верхние её бугорки, ну, ты понимаешь, о чём я, – конечно же, и он засмеялся, – была ярко выражена и с лёгкостью выделялась из моего одеяния.

– Я это помню, – улыбнувшись, сказал он.

– То есть? – удивлённо спросила она. – И только сейчас я узнаю об этом?

– Ну да, видимо, именно сейчас настало это время, когда ты об этом узнаёшь.

– Давай-ка с этого места и поподробней.

– Сейчас я, конечно, могу смело об этом говорить... твоя сорочка действительно была прозрачной, и ей не обязательно надо было намочать, чтобы я узрел её, когда ты вышла, мои глаза купались в твоих, а затем мой взгляд непроизвольно скользнул ниже, и твои бугорки уже тогда выделялись из сорочки, правда, думаю, если бы тебя спросонья увидела Сара, она бы наверняка перепугалась, подумав, что ты при-

видение с пруда.

– Вполне вероятно, – и они оба засмеялись. – Хорошо, сейчас речь не о Саре, что там дальше?

– Ну, – он улыбнулся, – что было дальше, мне кажется, что не смогу в точности рассказать об этом в словах. Воспоминание – это что-то... конечно же, я постараюсь, хотя ты и сама всё знаешь.

– Возможно, но в данный момент хочу услышать об этом от тебя.

– Хорошо, уговорила, – он подвинулся к ней ещё ближе, при этом обняв Антуанет за плечи, – если честно, в ту минуту, когда я увидел твою грудь, ну не в буквальном смысле, конечно, её увидел – это сравнительно с человеческой тенью, образ без чёткости, но это куда больше завораживает, мне стало стыдно, и в то же время адреналин подскочил в моей крови, я подумал о том, что в тебе слились все реки мира и в этих реках: слёзы, смех, рождение, любовь, вера, надежда, терпение, в твоих глазах – солнца свет, он озарил меня и тотчас наполнил небом. Ты знаешь, дорогая, твоя грудь выше всех похвал, как и ты сама. Я так полагаю, что сорочка на тебе была весьма и весьма тонкая, и когда любовь моя вышла на веранду, тебя с ног до головы обдало прохладой, но и с тем, что ты так рада была меня видеть, – он заулыбался и ещё крепче обнял её.

– Да, ты абсолютно прав, при виде тебя я всегда вспыхивала, и это чувство в нашу первую ночь как сейчас помню.

Вот-вот, смотри, смотри, Хавьер, – она вытянула руку, на коже которой ясно выступили мурашки, – ты видишь, Хавьер, я сейчас почувствовала то, что испытывала много лет тому назад, ты понимаешь, о чём я?

– О да, милая Антуанетта, я понимаю, ничто не забыто. Я взял твою руку, сжал в своих ладонях, она была холодной, моя же, наоборот, пылала горячей огня. Я повёл тебя к озеру, дождь потихоньку заканчивался, мы остановились и посмотрели друг на друга, ты была наполнена ожиданием, с рукавов моего сюртука, который был на тебе, обильно стекала вода... Во мне беспрерывно улыбка твоя летала.

– Помню, как меня бросало в дрожь, я вся была мокрой, и больше всего, чего мне хотелось в тот момент, – это снять с себя всю одежду, даже если при этом мне пришлось бы остаться голой, подумав об этом, не прошло даже пяти минут, ты словно всё понял. И я всё помню, – Антуанет глубоко вдохнула, перевела взгляд выше, и с улыбкой на устах она нежно выдохнула и начала свой рассказ: – Ты держал меня за руку, твоя ладонь касалась моей, затем чувства души и плоти стали вибрировать огнём. Твоя рука, потихоньку скользя, путешествовала по моей, до тех пор пока я не почувствовала твою ладонь на своих пальцах, я подняла глаза и застыла вот прямо на месте, чувствуя, как горлу подкатил комок, чего именно – тогда не поняла, но знаю одно – это чувство было восхитительно! Шаг ко мне навстречу обезоружил меня. Наклонившись ближе, ты прошептал, я всё тогда

переживала, что не разберу тех слов, которые ты мне хочешь сказать, так как от волнения мне казалось, что я стала слышать как бабушка Поли, да, и такое бывает.

– Позволь, я продолжу?

– Да, хорошо, давай, – улыбнулась она.

– Я наклонился к тебе, так как чувствовал, что моя Антуанет вымокла, и не на шутку разволновался, что можешь простыть. Я коснулся твоего ушка, пытаюсь убрать капельки воды, которые стекали с твоих волос, помню, как не задумываясь губами коснулся твоего ушка и спросил: «Позволь, Антуанет, провожу тебя домой, ты вся промокла, я переживаю за тебя?» Ты тут же схватила меня за руку и дрожащим голосом выкрикнула: «Ни в коем случае, что ты, я прекрасно себя чувствую, лучше помоги мне снять твой сюртук, а то он намок и очень стал тяжёлым».

– Но...

– Я знаю, всё знаю, сорочка, но она ведь на мне есть, верно?

– Да, да, конечно, есть.

– Ты спотыкался на каждом слове, и я... – не успела она договорить, как они услышали шаги на лестнице – это была Лили.

– Ну вот, дорогая, всегда приятно вспомнить, когда есть о чём вспомнить.

– А помнишь, как морской прибой ласкал нас с тобой, играло солнце, пела листва под ветреные колокола. И небо

казалось нам райской водой, мы укрывались его красотой. С тобою мы вместе были тогда, с хрупкою музой легла чистота, нам небо так часто с тобой улыбалось, что казалось, мы как дети в его любви растворялись. Об этом да, я помню, мой хороший.

– Дорогая, это замечательные слова.

– Это в благодарность тебе я сберегла эти слова для такого момента, как этот.

– Восхищён тобою, моя орлица, и никогда не переставал восхищаться, несмотря на наши временные разногласия.

– Спасибо, Хавьер!

– На эти слова, моя дорогая Антуанет, я могу тебе ответить только взаимностью, – они поцеловались в губы и устремили свой взгляд на приближающуюся Лили.

Она вся сияла.

– Мам, пап, с добрым утром! Мои дорогие родители! – и вприпрыжку направилась к ним.

– Доброе утро, Лили, доченька! – в один голос сказали они.

Она подбежала к ним сзади и обняла, целуя их в щёки.

– Дорогая, ты сегодня прям-таки чересчур позитивна.

– Пап, нельзя быть чересчур позитивным.

– Извини, дорогая, просто ты сегодня вся сияешь.

– Это плохо?

– Ну что ты, это хорошо, очень даже хорошо, но я хотел сказать...

– Лили, папа хотел сказать, что ты сегодня обворожительна, – она взяла его за руку, притянула ближе к себе и поцеловала в щёчку.

– Да, милая, мама права, как всегда, именно это я и хотел сказать, – он улыбнулся, при этом развернул салфетку и постелил на ноги. – Давайте приступать к завтраку.

– Давайте, – улыбнувшись сказала Лили.

Тем временем Марк собирался, перебирая все свои наряды и не только наряды, но и мысли в его голове беспорядочно скакали, сменяя одну идею другой, он никак не мог прийти к конечному результату, вроде то и не то, что лучше надеть и как вообще лучше... а может... да ведь это и не главное, и всё же... фу ты, блин, что я с шести часов как белка в колесе, в конце-то концов, это суета, которой здесь не место. Он присел на край кровати. «Это же пикник, а не званый ужин...» Марк задумался, поставил одну руку на колено ладонью вверх и облокотился на эту ладонь подбородком, сдвинув при этом очень серьёзно брови, пристально уставился на шкаф с рубашками. Окно сверху донизу было закрыто тёмно-бежевой тканью, не потому, что он был беден и не мог себе позволить такую роскошь, а только по той причине: просыпаясь утром, он любит подолгу лежать с закрытыми глазами в кровати в более приглушенном свете и чтобы солнышко его не беспокоило поутру. И словно высшие силы в помощь его долготочасовых мучений опустили верхний край ткани в правом углу, можно, конечно, подумать о высших силах,

косвенно – это был бытовой факт, один из гвоздей, на котором крепилась ткань, выпал, и свет солнца большим потоком своих лучей осветил шкаф Марка, он словно пальцем указал Марку на зелёную рубашку, которую последний раз он надевал три года тому назад, глаза его округлились, брови удивлённо сдвинулись вверх, он опустил руку, вытянул шею и подумал: «Надо же... это стоит рассматривать как знак свыше или как случайность». Время на размышления он тратить не стал, подошёл к шкафу, взял рубашку и стал крутить её в руках, встряхнул, положил её на кровать, обе руки при этом засунул в карманы. «А что, три года назад она была моей любимой рубашкой и к тому же приносила удачу – это верный знак, пойду в ней, а штаны, кафтан, так кафтан бежевый, точно, надену бежевый кафтан, штаны, штаны... Да бог с ними», – махнул рукой, решил надеть чёрные штаны, брызнул пару капель одеколона Футури (производитель – его прадед). Глянул в зеркало – улыбнулся, поправил чёлку, встряхнув волосы наверх, и направился в сад.

У Марка личный сад, он очень любит розы и, как опытный флорист, знает о них всё.

Много-много столетий назад король Август Третий – он был весьма маленького роста, правда, смельчак ещё тот, – был мудрым правителем и великим воином, с юных лет он помогал отцу завоёвывать соседние земли и оберегать родные края от налётчиков, варваров ютов, жестоких и беспощадных, от их рук кровь лилась бесконечным потоком, все-

му было время, и из юноши вырос сильный, высокий не ростом, а душой, справедливый, смелый, гибкий умом, любящий сердцем, выразителен не речами, а глазами – это просто поразительно, с детства отец, помимо обучения сражаться, привил ему любовь к цветам:

– Сын, это семя красивой девы, посади его и взрасти, ни в коем случае не забывай о ней, поливай её, говори с ней, в будущем будешь любоваться этой таинственной и манящей улыбкой, что кроется в её аромате и лепестках, она будет согревать сердце твоё и радовать твой глаз, а в дальнейшем усыпишь её брачное ложе бархатом нежных лепестков, вокруг нас всегда кровь, и это тревожно, единственное, что успокаивает мою душу – это они, августинки, ты видел мой сад? Он прекрасен, и ты знаешь, я люблю эти цветы и назвал их в честь любимой женщины – твоей мамы Августины, ты тоже унаследовал от сердца моего – любви, Август, помни, в трудные минуты жизни они спасут твою душу.

И об этой истории Марку в детстве поведал отец, от него он и унаследовал сад, в котором сейчас души не чаёт.

– М-м-м... так какую же... аха, точно, – щёлкнув пальцами, он рассуждал вслух. – Белую розу, подарю Лили белую розу с жёлтой ленточкой.

Марк срезал белую розу, завязал на ней бантиком жёлтую блестящую ленточку и завернул аккуратно в бумагу, придав форму кулька, чтобы не повредить розу, положил её во внутренний карман кафтана. Ну вот теперь, пожалуй, можно от-

правляться в путь.

– Мария, можно мне, пожалуйста, ещё вина?

– Да, конечно, сэр.

– Дорогой, второй бокал – это явно уже не для аппетита.

– Ну что ты, дорогая, я просто сегодня в хорошем настроении, и второй бокал ничего не испортит.

– Просто...

– Мам, ну давайте не будем.

– Хорошо-хорошо, – она улыбнулась, потёрла руки и встала из-за стола.

– Ну-с, я пошла собираться, а то уж скоро и гости начнут подходить.

– Хорошо, Антуанет, я тоже сейчас доем и подойду.

– Лили, как ты думаешь, я расстроил маму? – обеспокоенно спросил Хавьер.

– Ну что ты, папа, всё хорошо, я не знаю, почему мама так отреагировала на второй бокал вина, ведь вы у нас не заядлый выпивоха, – усмехнувшись договорила она.

– Ну вот поэтому, наверное, и отреагировала так, – и засмеялся. – Ну да ладно, давай доедать, и пора уже собираться, ведь скоро твои друзья подойдут, а мы до сих пор трапезничаем.

– Согласна с вами, папа, – облизывая ложку с вареньем, сказала она.

Только было они проговорили, как раздался стук в дверь,

постучал личный гонец Дэ, принёс письмо с известием о том, что они с возлюбленной не смогут сегодня поехать на пикник, так как Адель неважно себя чувствует, а ехать без неё он не смеет и передаёт большой поклон, признательность и благодарность за приглашение и извинение.

Лили, конечно, огорчила эта весть, но что поделаешь, непредвиденные обстоятельства – ведь от этого никто не застрахован, а идти без Адель – это действительно было бы некрасиво. Она присела на тахту с письмом в руках и задумалась.

– Лили, дорогая моя, что-то случилось? – взволнованно спросила Антуанет.

Она подняла голову и с грустью в голосе сказала:

– Да Дэ и Адель не смогут сегодня пойти на пикник.

– А что так? – она под села рядом с Лили и обняла её.

– Адель себя неважно чувствует, а Дэ – я его понимаю, следуя своим нравам, нравам джентльмена, конечно, он не может оставить её одну.

– Милая моя доченька, не стоит поэтому так печалиться, что ты, – последовала тишина. – А Марк, что, тоже не сможет прийти?

Лили вскочила с дивана и возмущённо, не сдерживая своих эмоций, вскрикнула:

– Что вы, мама!

– А что, что я, собственно говоря, такого сказала?

– Ой, вы извините меня, – она тут же присела рядом с Ан-

туанет и взяла её за руки. – Мама, я не хотела, просто я так волнуюсь... Марк... Марк – он должен прийти, от него я никаких известий ещё пока не получала, – и её взгляд устремился вдаль.

– О-о-о... моя маленькая, ты питаешь к нему чувства?

– Я не знаю, мам... просто... да, что-то... какая-то невидимая сила как магнитом... да, пожалуй, что-то тянет к нему.

– Лили, доченька, – она взяла её руку, – это и есть чувства, поначалу тянет, а потом...

– Дамы, вы готовы? – восхищённо спросил Хавьер, поправляя манжет на кафтане.

Они повернулись к нему и в один голос сказали:

– Готовы.

– Только я что-то, дорогая, твоих гостей не наблюдаю, они опаздывают?

– А-а-а, Дэ с Адель не смогут прийти, потому что Адель приболела.

– Хм, грустно, грустно, конечно, ну ничего, а Марк?

– Он должен прийти.

– Хорошо, я думаю, что продукты уже можно грузить в карету, да?

– Да, я тоже так считаю, – поддержала его Антуанет.

Только они направились к двери, раздался звонок.

Лили радостно вспрыгнула, сказав:

– Это, наверное, Марк. Пап, мам, я открою.

– Хорошо-хорошо, – сказали они в один голос, переглянувшись.

Она прытко пробежала между ними, схватила ручку двери и, повернув её вправо, открыла дверь. На пороге и вправду стоял Марк, Лили вся засияла, расплылась в счастливой улыбке и молча уставилась на него.

– Доброе утро, сударыня! – он протянул ей руку.

Она закашляла от волнения.

– Доброе утро, Марк!

– Вы прекрасно выглядите, сударыня!

– Вы?..

Из-за двери раздался голос:

– Лили, ну что там, мы так и будем здесь стоять?

– А, да-да, извините, – она открыла дверь шире и вышла на веранду.

Антуанет вышла первая, Хавьер с провизией шёл позади неё.

– О! – удивлённо воскликнула она. – Марк Де Лакруа, доброе утро!

– Доброе утро, мисс! – он улыбнулся, поклонившись ей.

– Ма-а-арк! – Хавьер поставил провизию на пол и протянул ему руку. Марк бодро пожал ему руку, кивнув головой.

– Поможешь старику с провизией... до кареты донести, загрузить, ну, там кое-что ещё.

– Да-да, конечно, давайте, что куда нести, показывайте.

И они с Хавьером направились в дом за остальными ве-

щами.

– Лили, знаешь, доченька, я хочу поговорить с тобою о Марке.

– А что с ним не так? – удивилась она.

– Ну... во-первых, да, он очень видный, ну, так скажем, красивый, во-вторых, добрый, в-третьих, так говорят особы женского пола, самой мне ни разу не приходилось вести с ним беседы – это всё понаслышке, он умеет дарить девушкам ласки словами и умеет обольстить, не хочу на него наговаривать, потому что воистину я не знаю, каков этот юноша на самом деле и что он за натура, и тем не менее... Всё только слухи, конечно.

– Так вот и не надо, мама. Слухов много, а вот сердце чувствующее у каждого одно, и если оно не повязано вот этими самыми плетями, которые вы именуете как слухи, то оно чисто, и так же в темноте можно узреть невидимый свет.

– Лили, Лили, дорогая, – она коснулась рукой её плеча. – Я же желаю тебе добра и только хотела сказать, чтобы ты была с ним осторожна.

– Мам, зачем мне быть с ним осторожной, разве он беглый преступник... Марк такой же человек, как ты и я, да, не спорю, о нём слагают легенды, что его плоть далека от сердца – ловелас, и что же... говорить много можно. Мама, я видела глаза этого человека, в них открылась мне непорочность души, и в разговоре со мной в его словах меня касалась только искренность.

– Я, конечно, рада этому, но...

– Мама, дайте мне, пожалуйста, полагаться на свои чувства, если я и буду совершать ошибки в своей жизни, а это не исключено, то это будут мои ошибки, позвольте мне учиться самостоятельно управлять своей жизнью.

– Ты в кого у меня такая строптивая? – она улыбнулась, и на глазах навернулись слёзы.

Лили, увидев мокрые глаза, всё поняла и обняла её.

– Мам, мамочка, ну что вы... не надо слёз, всё хорошо, конечно же, приму ваши слова к сведению, я обещаю, что буду беречь себя, правда, слышите меня?

Антуанет опустила лицо вниз, пытаясь скрыть слёзы, Лили же, наоборот, подняла её лицо вверх и, поцеловав её в щёчку, стала нежно вытирать пальцами слёзы, при этом шуткой приговаривая:

– Маменька, ну что же вы... в самом-то деле, перестаньте сейчас же, прошу вас, или я тоже сейчас заплачу... а папенька, что подумает он, увидев вас в слезах?

– Ты моя милая... – она обняла её крепко-крепко. – Ведь ты же знаешь, как сильно я тебя люблю, и это материнское сердце выражает своё беспокойство.

– Я знаю, мам, знаю, а ещё знаю, что любовь – это прежде всего свобода.

– Марк, будь так любезен, подай мне вон тот чёрный ящик с фруктами.

– Аха... а какой именно, их тут много?

– А вот этот вот, он подле твоих ног самый ближний, – показывая пальцем.

– Понял.

– Марк... – обратился к нему Хавьер с настороженностью в голосе.

– Да, сэр.

– Вот скажи мне, как ты относишься к девушкам?

– М-м-м... не совсем понял вашего вопроса, то есть как отношусь к девушкам?

– Да-да, конечно, сейчас поясню, – он подошёл к Марку ближе и облокотился на стол. – Поставь, пожалуйста, пока ящик.

– Хорошо.

– То есть я имел в виду, как бы это... выразиться яснее. Твоё представление о женщинах?

Марк смущённо улыбнулся, на щеках выступил румянец, он опустил глаза и, потеряв нос, медленно поднял голову, уставившись на Хавьера:

– Вы знаете, наверное, я так сразу не отвечу, хотя...

– Вопрос ведь несложный?

– Нет, не сложный, вы извините, конечно, но к чему такой интерес?

– Мне надо знать.

– А, я понял, понял, к чему вы клоните, стены говорят, вы боитесь доверить свою дочь мне, ведь наше общение с ней

вас настораживает, дайте угадаю, вы считаете, что Марк такой коварный обольститель, который может охмурить вашу дочь, воспользоваться её чистотой, то есть, другими словами, сорвать бутон, а потом выкинуть... Я верю, и не буду скрывать, я был тем, о ком так безмолвно говорят, да, это так, заработал себе репутацию, – усмехнувшись проговорил, он. – Хавьер, вы верите в то, что люди меняются?

– Я... я...

– Мне нет смысла вас обманывать, я не виляю, не юлю, говорю как есть, после того как мы встретились с Лили, моё сознание проснулось, я сам не успел понять, как и почему это произошло, но чувствую колоссальные изменения в себе, понимаете, и теперь у меня болит вот здесь, – он показал рукой на сердце. – И я не обижусь и даже сочту нужным, если вы будете испытывать меня, потому что хочу заслужить, Хавьер, ваше доверие и доверие Антуанет.

– Я, конечно, польщён твоей искренностью, говоря с тобой здесь и сейчас, смотря в твои глаза, не уловил ни капли лжи. Как ни странно, я тебе верю, но насчёт испытаний – в этом деле можешь положиться на меня, слежу за тобой, – шутливо высказался Хавьер, и они оба засмеялись. – Знаешь, Марк, когда-то мой отец поделился одной мыслью, и я до сих пор эту мысль лелею. Когда мне было шестнадцать лет, он отвёз меня на Ниагарский водопад, и эта поездка оставила в моей душе благоприятный отпечаток на всю жизнь – это, наверное, был единственный раз, когда он рас-

сказал мне хоть что-то о женщине:

– Хавьер, не дели никогда женщин на хороших и плохих, на красивых и не очень, какой бы они ни были национальности, возраста, внешних данных, они все прекрасны, они даны нам Богом, как и мы им, единственная отличительная черта в этом случае – каждому своя пара, знакомясь, мы слышим музыку наших сердец, и у всех она разная, поэтому никогда не слушай других, слушай музыку своего сердца, если это твоя любовь, ты почувствуешь исходящий от неё аромат, который будет близок только твоему сердцу, услышишь музыку её сердца, она будет наполнять внутренний мир твоего Бога, если честно, то это очень сложно передать словами, это нужно почувствовать, при этом слушай своё тело при виде твоей любимой, оно будет трепетать, тем самым говоря с её телом, они нашли друг друга, и ты поймёшь, что душа хочет того же и разум не сопротивляется...

– А как же она?

– Поверь мне, она испытает то же самое. Я тебе расскажу о том, кем является женщина, что она вносит в наш мир. Священная Грааль – есть женское начало. Богиня всех времён на рассвете в руках своих дитя качала, он сладко спал и видел сны, где женщина взрастила семя плода своего, каждый день поила дитя, любовью сердца своего. Ей дан был факел материнства, и он по жизни созерцал... Открывая свои ладони, мама скажет: «Бери всё, что жизнь подарила, я отдаю всё тебе». Утром рано, с рассветом протирая глаза, в уш-

ко шепчет богиня: «Я люблю тебя!» В мире, созданном Богом, есть основа основ – это женское сердце, всё понятно без слов, кто есть богиня – она есть святыня, книга среди книг, читая её имя, мы видим обложку без страниц, откроешь книгу и поймёшь, что каждая страница пропитана тайной времён. Ребёнок, зачатый во чреве матери своей, вскормленный её любовью, согрет заботой и теплом, он не забудет тех ладоней, что так нежно перед сном держали маленькие ручки, целуя щёчки малыша. И эта книга, священные свитки столетий, собиралась по крупицам, бродя сквозь года. Просыпаясь с рассветом и засыпая с закатом, всегда остаётся одно неизменным – это тепло твоих глаз, в них сливаются все реки мира. Ты так божественно красива, в твоих глазах огонь событий, огонь с пленительной силой... Любовь творит историю, ты есть здесь и сейчас... Та любовь, что дана тебе природой.

Хрустальных неба берегов – ангел, что своей улыбкой растопит глыбы льда, пронося в своих руках вековые печати, не померкнет свет твоих очей никогда.

Это мой прадед написал своей жене, он очень её любил и говорил: «Я подарил ей тепло, нежность, заботу, а она сделала меня самым счастливым человеком». Вот так – это своего рода завешание вначале отцу, а потом мне, только вот у меня родилась красавица-дочь, и коль твои намерения к ней чисты и серьёзны, это завешание передаётся тебе...

– Спасибо...

– Не перебивай меня... итак, на чём я остановился... ах да. Я смотрел на водопад, на его величие, он великолепен, как вода пенится при падении с такой высоты, бурлит как жизнь. Тогда не всё понял, что отец хотел до меня донести, пока потом в будущем не рассмотрел, даже, можно так сказать, я впитывал каждый смысл из прочтенной мною строчки и понимал, что это великая правда, сотворенная Богом. Данная нам для цветения наших сердец, что было бы, если бы не женщины сотворены, чтобы дарить любовь, чтобы радовать мир новой жизнью, рождённой в любви двух сторон – одного целого, но самое великое чудо – это то, как дитя развивается, и во время этого процесса женщина уже мама. Рождение Лили для меня было вторым рождением, я испытал неопишуемую радость, чувствовал, как моё сердце переполнено счастьем настолько сильно, что этим счастьем хотелось делиться со всем миром, оно пылало, тысяча мурашек обволакивала моё тело, от головы до ног, нежная бархатная кожа, кроха помещалась вся на моей руке, маленькие цепкие пальчики пытаются ухватить всё, что предоставляет им жизнь, а улыбка... что может быть прекрасней улыбки младенца, для меня она лишь сравнима с любимой женщиной. Об этом всём я ещё и не ведал на тот момент, стоя у водопада. Я даже не придавал значения тем словам, что отец так старательно пытался влить в меня, и тем не менее это всё осталось моей памятью в блокноте отца, после его смерти я унаследовал всё, в том числе и блокнот. Он и сейчас занима-

ет почётное место в доме, ведь в нём столько всего созидательного, приходилось перешивать его, также заменять переплёт, ведь он стар как век, и я так догадываюсь, что не один. «Посмотри, как блестят витрины мира», – это он так говорил о камнях, он также говорил, что они живые и что он видит своё отражение в них, они говорят ему о былом, о настоящем, о будущем, о том, о чём никто не знает, и только он их понимает и доверяет им больше, чем людям, так как: «Бизнес – это большой аквариум с большим наименованием рыб, от маленьких до больших, и в этом сознательном потоке ни на миг нельзя расслабляться и не надо забывать о том, что там есть и акулы, которые могут тебя поглотить в любой момент». Для отца этот семейный бизнес был всем, иногда это даже представлялось, как поле боя. Ничего не поделаешь, Сэм (так звали моего отца) считал это своим предназначением в жизни, и он очень мало уделял времени семье, у нас было всё, не хватало только его внимания, я запомнил его в образе серьёзного: очки на нос всегда сдвинуты, глубокая морщина между бровями – в этом была вся его серьёзность, но, несмотря на это, отец был любезен, деликатен, дипломатичен, полон новых идей, артистичен и всегда с сигарой в зубах – это его и погубило – лёгкие, но он прошёл свой путь, Сэм был уверен в этом так, как ни в чём другом, и в этом видел всего себя, и мама понимала, она изначально знала, за кого выходит замуж, и это её не пугало, не было ни дня, чтобы отец забывал о маме, он одаривал её комплиментами,

пусть это было рано с утра либо поздно вечером, для мамы это не имело значения, она знала, что Сэм так выражает свою любовь и заботу к ней. Мама понимала его, понимала, что всё затраченное время – это впрок всё для блага семьи, а мне было это непонятно, я обижался на него и на первое место ставил семью и отношения с ней, несмотря на то, что папа в воспитании ко мне был строг, я любил его и гордился им и в то же время был уязвлён, мне так хотелось с ним съездить на рыбалку, охоту, чтобы папа научил меня стрелять, но этим занимались учителя, со мной Сэм только говорил по делу, вскользь: прочитай это, выучи то, завтра спрошу. «Но пап», – бывало, хотел я возразить. «Сын, время деньги, станешь старше, поймёшь, а сейчас за работу». – «Да, пап». Так что выезд наш с ним на Ниагарский водопад – это было самым прекрасным временем в моей жизни, всё время в дороге и на Ниагаре я был переполнен радостью, гордо расправлял плечи, грудь вперёд, вытягивал шею, задрыв нос кверху, наверное, выглядело это глупо, и всё же это чувство было прекрасно от сознания того, что наконец-то пришло время и отец уделил мне внимание, а ведь он ни на секунду не переставал дарить мне это внимание, правда, оно отражалось в лице мамы, я настолько был счастлив, и это счастье разжигало внутри меня желание расцеловать отца, но, как уже упоминалось мною ранее, мой отец был строгих нравов и при попытке воплотить моё желание в реальность, явно было бы не одобрено с его стороны. Так что я радовал-

ся и тому, что есть. Мы не жгли костров, не ходили в походы и даже ели отдельно, так как Сэм проводил большую часть своего времени в кабинете, ел он тоже там. Такой вот был весь он, в моих же воспоминаниях вся эта серьёзность по-своему оставила благоприятный след. Вот, Марк, когда сейчас я вспоминаю своё прошлое, то понимаю, что я согрет его теплом, и знаю одно: что всю заботу и внимание папа доверил маме, чтобы она вдвойне могла обогатить меня им, и я горячо любил свою мать, не только потому что отец своим примером показал это. Но и потому, что она была драгоценным цветком в сердце моего сада, мама всегда согревала меня своей любовью, целуя перед сном, читая сказки на ночь, утро я любил по-своему. Для меня мир просыпался тогда, когда мама открывала дверь в мою спальню. Помню всё: её улыбку, полную нежности и любви, звонкий смех, поцелуи – они оставляли свой ни с чем не сравнимый отпечаток на моих заспанных глазах, а слова в голосе – бархат: «Просыпайся, мой милый сынок, пора наполнять мир своим присутствием». Я всё помню, этого никогда не забыть, я падаю – мама рядом, залечит мои раны, поцелует их, отец же в курсе всего, он на все мои травмы говорил одно: «Ничего, сын, каждая рана воспитывает в тебе мужика. Не вздумай никогда ныть, ведь ты мужик, верно?» А я бурчу под нос, ведь я ожидал от него, как и от мамы, что он пожалеет меня, выразит всё как можно мягче, но, увы, это разрешалось только маме. «Ну, чего нос повесил, до свадьбы заживёт. Да-

вай лучше поговорим о деле». Я только сейчас начал понимать, что такая забота отца, в глубине души она очень радовала меня, ведь он всегда для меня в моих глазах хотел быть сильным, непобедимым, лидером во всём, и всегда гордился своим отцом, несмотря на то, что он принудил меня оставить свои мечты и полностью связать свою жизнь семейным бизнесом, ты знаешь, я не отказываюсь от своей мечты и верю, что когда-нибудь, может, и не навсегда, но мы с моей Антуанет зайдём на палубу прекрасного корабля и отправимся по миру в путешествие.

– И вы думаете, она согласится?

– Обижаешь, конечно же, ведь мы одно целое, у нас одни желания на двоих, куда я, туда и она, куда она, туда и я, да и к тому же каждый человек в душе путешественник, только вот кто-то ради этого положит всю жизнь на карту. А кто-то равнодушен, то есть он и не прочь попутешествовать, но и жизнь не отдаст за это всё, ведь у каждого человека свой путь, когда идёшь по этому пути, который тебе судьбой предназначен – ты просто счастлив. Когда пекарь выпекает хлеб не по причине высокого заработка или статуса, а только потому, что в этом занятии он души не чает. В этот процесс он вкладывает душу, и пекарь этому рад. Его путь полон страсти, он дарит благодать и пользу не только себе, но и Вселенной и всем окружающим – это его вклад в этот мир, это его история, которая останется в памяти людей, и пекарь, выпекая, понимает, что он живёт не просто

так, человек созидает, ведь как прекрасен запах и хруст свежвыпеченного хлеба, мы все не понаслышке знаем об этом. Хлеб – это как соль земли, он полезен, наполняет наш организм важной жизненной энергией, и с каким наслаждением мы отламываем кусочек от буханки хлеба в предвкушении съесть его – это чудно, да?

– Да, вы правы, это даже своего рода волшебство.

– Вкладывая душу в своё дело, и оно не пропадёт безрезультатно, оно точно будет отображено на скрижалях Вселенной. Мы одна большая семья, и мы едины. Спасибо, что ты меня в полном безмолвии выслушал.

– Пожалуйста, Хавьер, меня потряс ваш рассказ из вашей жизни.

– О, это только часть из того, что было, но она самая важная – это часть моей жизни, как я уже говорил, которую никогда не забыть и всегда приятно вспомнить, это жизнь... А-а-а, – он махнул рукой, – так разглагольствовать долго можно, ведь нас там наверняка уже заждались прекрасные создания, жизнь без которых я себе не представляю.

– О... ну наконец-то, вы почему так долго? – выразила своё беспокойство Антуанет.

– Мы вас уже заждались, пап, – подхватила Лили.

– А-а-а... мы это, ящики поправляли, да же, Марк?

– Да, именно так и было.

– Ну ладно, дамы, давайте по каретам, мы сейчас с Марком загрузим всё продовольствие, и в путь.

– Надеюсь, это не дольше прежнего? – возмущённо спросила Антуанет.

– Ну что ты, дорогая, вот три ящика, и всё, и едем.

Антуанет уже сидела в карете, отодвинув шторку в сторону, наблюдая за работой Хавьера и Марка, когда Хавьер обратился к ней:

– Антуанет.

– Да, Хавьер?

– Вы можете трогаться, мы вас догоним.

– Хорошо.

Колёса кареты медленно закрутились по местной поверхности. Хавьер и Марк молча сидели напротив друг друга и оба смотрели в окно.

– Хавьер.

– Да?

– Можно вам задать вопрос?

– Ну конечно, задавай.

– Зачем вы обманули свою жену?

– О чём ты? – удивился он.

– Ну, вы сказали, что там в амбаре мы...

– А-а-а-а... всё, понял, Марк, я не обманул её, просто избавил тебя и меня в дальнейшем от лишних расспросов – это наш с тобой секрет, маленькая хитрость, уловка, я тебе кое-что расскажу, пусть в дальнейшем это послужит тебе примером, твоя жизнь только начинается, как и жизнь Лили, вы многого ещё не знаете, пребываете в неведении пред

миром, но это тоже свой плюс, ведь мир полон тайн. Если посмотреть на тот хаос, что иногда свободной волей гуляет в наших душах, становится одновременно смешно и обидно, обидно от непонимания, а смешно от глупостей, которые можно было бы изредка не пропускать своим сердцем, не допуская в свои внутренние владения, тем самым устраняя гибель наших душ, их чуткость и нежность можно сохранить только гибкостью ума, ничто не способно лечить наше я, как юмор – лекарством считается всех времён. Он тот, кто поведает средь зыбучих песков, не давая буре проникать сквозь храмы времён. Живите любовью, живите улыбкой не только в устах, но и сердцем, и тогда никогда не померкнет в вас любовь и усталость не нахлынет волною, смывая вас в пучину депрессий и боли. В этих словах есть истина, правда, у каждого человека своя истина – это как Бог один, а имена у него разные, но все-то обращаются к нему, к единому Богу. Я о чём говорю, надо хитрить, быть гибким, как пальма, ведь когда поднимаются ураганы, что мы можем здесь увидеть, большое количество вырванных с корнем деревьев, а пальма... ей хоть бы что, во время шторма, сильного ветра она сгибается до самой земли, заметь, она гнётся под натиском урагана, не ломается и, как нам известно, после дождя всегда будет солнце, и... многих уже деревьев нет, а пальмы стоят – это хороший урок для жизни.

– Вы с каждым разом меня, Хавьер, всё больше и больше восхищаете.

– Я-то что, а вот мой отец, вот он был мудр, и мне его иногда так не хватает: взгляда из-под очков, улыбки очень редкой, но всегда откровенной.

– Удивительно... знаете, я раньше никогда об этом не задумывался, – и он направил свой взгляд в окно на небо.

– О чём, Марк?

– Ну, об этой самой мудрости – в словах в жизни, ведь она во всём, да?

– Да, Марк, она даже в ветре, что так игриво сейчас шевелит твою чёлку, в солнце, да во всём, что нас окружает, о ней не надо думать, она придёт сама, если твоё сердце будет наполнено любовью ко всему, главное чувствовать себя, тем самым ты упростишь себе задачу чувствовать мир и всё, что в нём происходит, и ты станешь человеком, о котором говорят: он оказался в нужное время в нужном месте, и в этом твоя мудрость. Чувствуй... и всегда сохраняй спокойствие.

– Это всё хорошо, но как научиться чувствовать?

– Чувствам не учатся, они есть у всех с самого рождения, чувства – это твоё сердце, если в нём есть Бог, а мы все едины, мы все являемся частичкою Бога – это говорит о том, что мы должны полностью доверять себе, своему сердцу, надо просто расслабиться, спокойствие, Марк, а в нём вся вера. Сейчас закрой глаза и постарайся ни о чём не думать, не напрягайся, расслабься – спокойствие, погрузись в мир вокруг тебя, слышишь? Как поют птицы, треск камней под колёсами, как шелестят листья деревьев, как ветерок обдувает твоё

лицо, почувствуй тепло солнца, мы неразделимы, мы едины, всё, что ты чувствуешь, это часть тебя и это внутри тебя. Вот посиди так минут пять, я не буду тебе мешать, потом поделишься своим впечатлением.

Марк погрузился в жизнь, которая состоит не только в каждодневной работе, в отношениях и во всей прочей суете, он пронёсся сквозь невидимые двери, что дарили ему покой, чувствовал, как растворяется, распадается на мелкие частицы, наполненные гормонами радости... Его чувство было сравнимо с полётом птицы.

«Я лечу, – пронеслась мысль в его голове, – несомый ветром...»

– Марк... Марк, пора вернуться в реальность.

Он вздрогнул, и на его лице засияла улыбка во весь рот, а глаза всё были закрыты.

– Марк, открывай глаза, вдохни этот запах природы в себя, а выдохни наполненный счастьем.

– Это волшебство, поразительно, я восхищён, сеньор Хавьер, ощущение лёгкости, невесомости, внутренней свободы.

– Я рад, главное запомни – это чувство, проникнись им, оно должно всегда быть в твоём сердце.

– Хорошо, я так могу же делать всегда.

– Общаться с источником нашего создателя? Да, конечно.

– Это относительно только природы?

– Необязательно, это везде: в городе, за городом, дома, да

хоть где. У тебя есть любимое место, возможно, занятие?..

– Да, у меня есть сад, он достался мне от отца, как и всё остальное, в нём я выращиваю розы – это моё хобби, в этом я испытываю радость.

– Вот... Хорошо, уверен, ты разговариваешь с ними.

– О да, это мои девочки, и каждая по-своему прекрасна.

– И давно ты этим занимаешься?

– Так... ну, наверное, с двенадцати лет, правда, не основательно, тогда я только помогал отцу, а в восемнадцать лет, после смерти отца, полностью взял на себя уход за садом, не из чувства долга. За период с двенадцати лет я полюбил этот сад, цветы, уход за садом приносит мне удовольствие, правда, отец не всегда доверял мне их.

– Аха, понятно, а сколько тебе лет сейчас, Марк?

– Двадцать три.

– А почему отец не доверял тебе уход за садом, если, конечно, не секрет?

– Это не секрет, ну, как вы уже слышаны о моих похождениях...

Хавьер засмеялся:

– Интересно, интересно, когда же ты успел заработать себе такую репутацию?

– Ну, так был такой случай, мне даже стыдно о нём рассказывать.

– Не стоит стыдиться своего прошлого, я тоже не святой, если ты считаешь это ошибкой, в этом нет ничего страшного,

ошибаться надо, так мы учимся.

– Возможно, – Марк задумался с кривой улыбкой на устах, опустив глаза вниз.

– Но если хочешь, ты можешь не рассказывать мне об этом.

– Всё нормально... У мамы была лучшая подруга Кэтрин Бил, вот она... – он замялся. – Научила меня всему, что я умею, в общем, с ней у меня был первый опыт. Узнав об этом, отец был в гневе, вне себя и во всём обвинял маму, как это она так не уследила, как её лучшая подруга совратила их сына, на этой почве пошёл разлад в семье, но несмотря на это всё, отец любил её, мама не выдержала нападок отца и подала на развод, и всё это закончилось плачевно, после развода отец год прожил, на протяжении года он вымаливал у мамы прощения, но, как ни крути, она отказалась возвращаться к нему. Папа каждый день угасал, и всё закончилось инфарктом, вот так вот прервалась жизнь моего отца, и с тех пор моя жизнь стала рутиной.

– Ты винишь себя в этом?

– Нет, я никогда не считал это чем-то таким плохим, вот и мама говорила, что это не трагедия, что просто-напросто я стал мужчиной, но отец не хотел это никак воспринимать, и каждый день скандал за скандалом, и их брак рухнул, распалась семья.

– Это, конечно... а мама была не против, что её подруга совратила тебя?

– Она говорила, что это лучше, чем я переспал бы с молоденькой девочкой, а потом в итоге ещё не хватало ей принести дитя в подоле.

– Хм... а что ты сам?

– А что я... признаться честно, мне всё нравилось, она очень красивая, видная женщина, опытная, да и гормоны говорили сами за себя, любви не было, был только секс, и так всё пошло-поехало, стоило мне испытать первый оргазм, и... ну, вы понимаете.

– И ты хочешь, чтобы после всего сказанного я доверил тебе отношения с моей дочерью?

– Сеньор Хавьер, я же вам уже сказал, что это всё уже в прошлом.

– Хорошо-хорошо, учти, я не ослабил узды лошадей.

Лили чувствовала себя жизнерадостно, в её глазах отражалось удовольствие, и где-то в глубине души она понимала, что этот отдых запомнится ей на всю жизнь, семейный отдых, она закрыла глаза и глубоко вдохнула тёплый воздух.

– Как же это прекрасно! – резко открыв глаза, выкрикнула она.

Отчего Антуанет вздрогнула:

– Дорогая, что такое, что случилось? – вопросительно взглянула на неё и продолжила свой диалог. – Я тут немного задремала, ты что-то говорила, Лили?

– Да, мамулечка, – она коснулась её руки, – я сказала, как же это прекрасно отдыхать с семьёй, – и вся засветилась

от счастья.

– Милая моя, конечно, это прекрасно, ты же знаешь, что за последние пять лет это первый выезд с семьёй.

– Да, знаю, мама, но ведь папа много работал.

– Ты права.

Лили стремительно направила свой взгляд в окно, на что Антуанет тут же обратила внимание.

– Лили, – она немного наклонилась к ней ближе, – всё хорошо?

– С чего начать... даже не знаю, меня обуревают сомнения, – лёгкий ветерок по просёлочной дороге, вдали показались тучи, и это немного огорчило Лили.

– Что такое, милая? – Антуанет взяла дочь за руку. – Ты в порядке?

– Да, матушка, просто те тучи, – она вытянула руку из окна кареты и указала в сторону гор, что так величественно возвышались, касаясь самих небес.

– О-о-о, дорогая, это же всего лишь тучи.

– Да, я понимаю, но ведь за ними может последовать и дождь.

– Да, ты абсолютна права, но в этом нет ничего страшного, у нас навес и...

– Извините, что вас перебиваю, мама, но что же это за отдых получается под дождём, ещё и под навесом?

– Замечательный отдых, Лили, – её улыбка засияла на лице, – это природа, родная, а она непредсказуема, мы же не са-

харные, не растаем, – её высказывание смягчила улыбка, – да и к тому же мы с твоим папой в своё время так куролесили под дождём...

– Куролесили?! Как это так? И что это за слово такое?

– Ну-у-у... это... – она прокашлялась, чуть покрасневшись, понимая, что ляпнула не то, и тут же попыталась замяти следы невольной вылетевших слов, – в этом слове заключался бег под дождём.

– Аха... – Лили на секунду-две задумалась, а потом с озорной улыбкой выпалила: – Весьма занятно... так, возможно, у вас сегодня выпадет такой шанс вспомнить прошлое и... покуролесить с папой.

От этого Антуанет пуще прежнего зарядила багровым румянцем. Выпучив на дочь глаза.

– Что такое, мама, я что-то не то сказала? Надеюсь, в моих словах не прозвучало ничего постыдного?

Антуанет сузила глаза, скорчив лицо в непонятной гримасе, оттого на лице Лили тоже появился румянец.

– Нет-нет, что ты, всё хорошо, ничего постыдного в твоих словах нет.

– Но мне показалось, что мои слова вас смутили...

– Ничуть, – резко оборвала она её.

– Отчего же тогда?

– Дорогая, я не хочу сейчас об этом, настанет время, и ты всё поймёшь, моя родная, просто... – она не успела договорить, карета резко затормозила. Отчего вся пыль поднялась

вверх.

– Что случилось? Почему мы остановились? – волнительно поправляя шляпку на голове, вскрикнула Антуанет.

Лили замахала рукой, прикрывая рот носовым платком.

– Лили, дочка, спусти занавески на окнах, так меньше пыли будет попадать в салон, – и только она это сказала, дверь кареты открылась. – Хавьер, дорогой, что-то серьёзное произошло?

– Дамы, выходите, – мило улыбнувшись, он взял Антуанет за руку и помог ей выйти из кареты, – дальше придётся идти пешком.

– Но почему?

– Лили, доченька, давай руку, на той неделе, помнишь, ураган был?

– Да-а... – она задумалась и еле слышно сказала: – Кажись, припоминаю.

– Ну вот, он-то тут и похозяйничал, сломал пару деревьев, и они вон, видишь, расположились прямо на дороге, придётся идти в обход, по лесничьей тропе, кареты, естественно, там не пройдут, поэтому оставим их здесь с Лудом и Персом, они заночуют здесь до утра.

– А как же вещи и продовольствие?

– О, ну, это не проблема, отстегнём лошадей и всю провизию перевезём, да и к тому же здесь не так уж далеко идти, ну что, за дело?

– Я смотрю, вы прекрасно расположились, сударыня.

Лили сидела, облокотившись спиной на дерево, махая веером, она смотрела на озеро, абсолютно ни о чём не думая, только наслаждаясь, на слова Марка лишь перевела взгляд, и её губ коснулась лёгкая улыбка, он ответил ей тем же и присел рядом с ней.

– Ты позволишь?

– Да, конечно.

– Как тебе природа? – он прищурил глаза и посмотрел на неё глазами, наполненными капельками душевного тепла.

– Великолепная, – и замахала веером ещё быстрее, при этом утопая в его глазах, Лили почувствовала, как тёплый ветерок пронёсся в её животе, и в одно мгновение её щёки вспыхнули огнём.

– У меня для тебя подарок, – Марк сунул руку во внутренний карман и вытащил из него небольшой белый свёрток конусной формы, Лили повернула голову набок и, не скрывая своего удивления, спросила у него:

– Что это?

– Сейчас, одну секунду, – он начал разворачивать свёрток, Лили тем временем наблюдала за всем происходящим, Марк повёл одной бровью вверх и взглянул на неё, увидев пристальный взгляд Лили, его ладони стали потеть и руки немного затряслись, Лили в глазах Марка увидела отражение солнца и волнение, от которого у неё перехватывало дух и становилось ещё жарче. «Что это я?» – подумал Марк про себя и подал свёрток ей.

– А давай лучше ты сама.

– Хорошо, – она улыбнулась, и в этой улыбке читалось смущение, Лилия стала разворачивать свёрток и увидела, как сквозь открытое отверстие проглядывают белые лепестки, на фоне того, что они сливались на белой бумаге, она не сразу поняла, что это за цветок.

– Это цветочек.

– Да-а... это роза, белая роза, – он подсел к ней поближе.

– Она прекрасна!

– Так же прекрасна, как и ты.

Лили опустила глаза вниз, смотря на розу и лишь изредка поглядывая на Марка.

– Спасибо, Марк!

– А ты знаешь, что говорит о себе белая роза?

– Нет, но мне очень интересно, ведь она ассоциируется со мной, ведь так?

– Да... Розы – это моё хобби... хм, – он закашлял. – У меня целый сад роз... и в нём каких только нет.

– Правда?! – с восклицанием в голосе спросила она. – Мне очень интересно, и ты знаешь, что означает каждая роза?

– Да, розы иногда могут сказать больше, чем тысячи произнесенных слов! Эти прекрасные цветы со времён строгой викторианской эры играли огромную роль при выражении эмоций между возлюбленными и друзьями. Белые розы – чистые и яркие, при этом даря их тебе, я могу сказать: «Ты небесна, я восхищаюсь, когда смотрю на тебя». Я понял, что

моя привязанность к тебе исходит от сердца, и поэтому я подарил тебе белую розу, она такая же чистая, как девственный снег. Красные же розы означают уже более глубокие чувства, такие как пульсирующую страсть, неистовые желания, также они говорят о храбрости, уважении и восхищении, а вот белые розы с красной каймой... – он посмотрел ей прямо в глаза, Лили заёрзала, с недоумением смотря на него, думая, почему он остановил свой рассказ и так смотрит на неё.

– Что-то случилось?

– Нет, я пытаюсь прочитать в твоих глазах, хорошо ли ты впитываешь информацию, – она заулыбалась.

– Лили.

– Да?

– Ты запоминай, поверь мне, эта информация пригодится тебе в будущем.

– Я всё запоминаю, поверь мне.

– Хорошо, тогда я могу продолжить?

– Конечно же.

– Так на чём я там остановился, напомнишь мне?

– Да, конечно, твой рассказ остановился на белых розах с красной каёмкой.

– Так... так... молодец, смотри-ка, помнит, – и он открыто улыбнулся ей. – Хорошо, белые розы с красной каймой – это символ лояльности, единодушия, о них ещё можно сказать так: что я и ты одно целое. Бордовые розы – они говорят о том: вы настолько красивы, что не осознаёте это. Фио-

летовые розы – они, как и красные, говорят о любви, только разница в том, что фиолетовые розы – они говорят о любви, вспыхнувшей с первого взгляда. Розовые розы – это цветок сладких мыслей и нежных эмоций, они выражают гордость, радость, благодарность. Жёлтые розы – зрелую любовь, сладкую домашнюю жизнь означают жёлтые розы, и ещё жёлтые розы примирить и забыть ссоры, на языке цветов это: «Давай оставим всё позади и начнём новую страницу».

– Надо же, их столько много?

– Подожди, это ещё не всё.

– Поразительно.

– Это ещё что... Оранжевые розы – они означают новые пылкие чувства, когда ты опьянён и полностью околдован кем-то, то надо дарить вот именно их. Персиковые розы – персиковый оттенок, как сложилось, означает скромность, они выражают гармонию, приветствие и теплоту, вот ещё есть зелёные розы – одним словом, эти розы означают ревность, а также их дарят людям жизнерадостным, преуспевающим, с высоким чувством собственного достоинства. Чёрные розы – эти прекрасные эстеты – означают мятеж и силу, также имеются розы голубых (синих) оттенков, естественно, синих роз в природе не существовало, поэтому выведенные сорта близких оттенков часто дарят людям экстраординарным, как символ загадочности или недостижимости, а вот чайные розы по традиции означают «я никогда не забуду вас». Все светлые розы, как правило, символизируют друж-

бу, ну там много ещё разных аспектов.

– Ого, и все эти розы растут у тебя в саду?

– Все, да, кроме двух видов, синих и чёрных, поскольку этот сад достался мне от отца, я не всё успел от него перенять, у него на создание этого сада ушло где-то двадцать лет, он взращивал его, как дитя, большую часть времени он проводил в саду, всё без ума экспериментировал, и у него получилось вывести и вырастить розы голубых оттенков, у меня, увы, не получается, а вот чёрные я сам перестал выращивать после смерти отца.

– Мне очень жаль, – она коснулась его локтя.

– Да ну, что ты, Лили, всё нормально, я вот тут подумал...

– Да.

– У меня есть ещё одно пристрастие, хотела бы ты почтить своим присутствием апартаменты?

– Я-я-я... а в чём заключается твоё второе пристрастие? – она внимательно всматривалась в его лицо, глаза, губы, с особым интересом наблюдала за его жестами, мимикой, и всё это наводило на мысль, что жар, которому было место сегодня, – чувство, которое её одновременно восхищало и пугало, есть не что иное, как сама Госпожа любовь, Лили почувствовала любовь совсем иную, любовь не такую, какую она повседневно испытывает к своему ближнему окружению, то есть к своей семье. Она чувствовала, как её тянет к нему какая-то не видимая сила, Лили хочет близости, но почему, наверное, глупо задавать такой вопрос, ведь это

есть не что иное, как чувство, которое возвышает, наполняет, поглощает всё и вся, и от этих мыслей её снова бросило в жар, отображая собой румянец на щеках и огонь в глазах, увидев который Марк пришёл в восторг, он понял, что интересен ей и даже больше, его щёки тоже зарделись, а глаза блестели искорками мелких огоньков.

– Моё второе хобби, я вырезаю фигурки из дерева, крашу их, покрываю лаком, у меня их уже целое поселенье, – и он засмеялся.

– Как интересно, да, пожалуй, я принимаю твоё предложение.

– Почтить мой дом своим присутствием?

– Да, Марк, именно так – почтить твой дом своим присутствием.

Марк не смог скрыть своей радости и, засияв, как бриллиант на солнце, расплылся в откровенной улыбке.

Марк придвинулся ещё ближе к Лили, настолько ближе, что его плечо стало касаться её плеча, он взял её руку, подтянул ближе к себе ладонью вверх и стал водить пальцем по ладони, смотря ей в глаза, Лили удивлённо взглянула на него, не проронив ни слова, не сопротивляясь, она позволила ему быть честным до конца и во всём происходящем не видела ничего плохого, она лишь чувствовала тепло, исходящее от руки Марка, что, казалось, от кончиков пальцев пробега-ло до самой макушки головы, а затем обрушивалось волной приятных покалываний по всему телу – это от одного его

прикосновения, а что же будет дальше, подумала она.

– Скажи, что чувствуешь?

– Щекотно.

Он прикоснулся второй рукой к её груди, почувствовав жар, исходящий от неё. Дыхание Лили сбилось, оно стало прерывистым, и вместе со всем этим она ощутила дрожь от его касания. Сударыня дрожала, Марк увидел – это впервые и тотчас осознал, что эта юная леди ещё больше зажгла его сердце, ему стало так легко, так спокойно, состояние, близкое к эйфории, так как в горле пересохло, он сглотнул слюну и с волнением спросил:

– А что сейчас чувствуешь?

– Тепло.

Она прикоснулась рукой к его груди:

– А что ты чувствуешь?

– Трепет и огонь.

– Почему?

– Потому что твоя рука в моей, моя рука сейчас касается твоего сердца, а твоя моего, и ничего, что сверху плоть, я всё равно чувствую его биение.

– Я тоже, – полушёпотом ответила она.

И впервые за всё время Марк осознал, что удовольствие и наслаждение можно получать не только от физических усад, но и от лёгкого прикосновения, что сравнимо лишь с дуновением ветерка – это касание двух душ, Марка это настолько поразило и задело, что его чувствам не было преде-

ла, потому что жжение он теперь чувствовал не внизу живота, а в районе груди – это млело так сладко.

– Я люблю тебя, Лили! – он чуть крепче сжал её руку.

– Я знаю, Марк, – и волна трепетного тепла вновь пробежала по её телу. Они смотрели друг на друга с таким душевным теплом, которое окутало всё вокруг, всю окружающую природу. И тем не менее Лили не могла сказать ему об этом тоже, что удерживало её уста от этих прекрасных слов, она не могла понять, что и поэтому опустила голову, смотря на их сплетенные руки.

– Лили, что такое?

Леди лишь промолчала ему в ответ. Он коснулся её подбородка и поднял его вверх, чтобы увидеть глаза и коснуться её сердца. Что закралось так внезапно в душевную обитель Лили, но она не поднимала своих глаз. Тогда он наклонился ещё ближе, отчего Лили почувствовала его дыхание на своей коже.

– Лили, что случилось? Посмотри, пожалуйста, на меня. Я тебя чем-то обидел?

Её ресницы резко дрогнули, и вот уже её глаза купаются в его так близко, что можно в них разглядеть небо.

– Нет, что ты, ты меня ничем не обидел, не позволяй себе никогда так думать, просто мне стало грустно оттого, что я не могу сказать тебе того же, не знаю почему...

– Тс-с-с, – он коснулся пальцем её губ, и тишина вскрыла им голову.

– Но я чувствую...

– Я знаю, об этом мне сказала твоё сердце, если уста молчат, а сердце говорит – это не значит, что ты не любишь, просто для тебя важнее любить сердцем, так и должно быть, наступит день, когда моя юная леди скажет об этом и устами от всего сердца.

3.

– Чикаго? Но почему Чикаго?

– Дорогая, потому что там живёт мой клиент.

– Но Жульен...

– Я знаю, Дороти, и помню, что обещал тебе вместе провести эти выходные, но ты же знаешь моё отношение к работе.

– Конечно, знаю.

– Ну чего ты, я всего на три дня и потом первым поездом домой, ягодка моя, ты даже не успеешь соскучиться, иди ко мне, желаю зацеловать тебя, – адвокат взял Дороти двумя руками за лицо и прижался лбом к её лбу. – Ну вот, малыш, видишь, я рядом, и так будет всегда, через три дня мы повторим этот ритуал.

Дороти рассмеялась, её щёчки покраснелись, и в глазах появились слезинки.

– Дороти, дорогая, ты чего, что случилось?

– Ничего, просто... – она отвернулась, пытаясь скрыть

свои слёзы.

– Что просто, не отворачивай от меня своё личико, твой любимый муж должен видеть твои глаза, даже если они полны слёз, тебе нечего бояться, что тебя тревожит?

– Ты же знаешь, как я люблю детей...

– О-о-о, моя дорогая, да, знаю, – он взял её за руку и прижал к себе, – я тоже очень люблю детей, и я же знаю, что у нас не получается, дорогая Дороти, вера в лучшее, ты помнишь? – в ответ она кивнула головой. – Я просто уверен, что Господь Бог благословит нас... Дороти... Дороти, а хочешь, давай возьмём ребёнка из приюта, и он будет наш, как родной наш, ты хочешь, любимая?

– Ты правда так думаешь? – всхлипывая и вытирая глаза, с нотками радости в голосе воскликнула она.

– Ну конечно... – ответил с той же интонацией ей.

– Да, я хочу, давно уже хочу, правда, не решалась спросить у тебя...

– Отчего же?

– Думала, что откажешь мне, а это было бы для меня ударом.

– Дорогая моя, моя милая Дороти, запомни, никогда не решай за других, если не знаешь наверняка, что тебе ответят – это ты так подумала, я бы дал тебе совсем другой ответ, ну ничего страшного.

Её губы вздрогнули и слегка натянулись в облегченной улыбке, в глазах заиграли огоньки счастья.

– Тогда как приедешь, мы и пойдём вместе.
– Вместе пойдём, Дороти, вместе.
– Но их же там так много...
– Не переживай, наш сам нас найдёт.
– Жульен, я так тебя люблю.
– И я тебя, Дороти, тоже люблю, – он поднял её на руки и начал кружить.

– Жоржета, Жоржета... – переполненная эмоциями счастья, Дороти бежала по длинному коридору пансионата и искала управляющую им.

Её переполняло восхищение, с которым она хотела поделиться, ведь теперь у них с Бурански будет малыш, кто-то такой маленький и родной, и в то же время она очень переживала, что детишек так много и все они такие хорошие, все хотят иметь настоящих маму и папу, и как быть, она терялась в догадках, единственное, что её утешало, так это приезд Жульена, которого она ждала с нетерпением.

– Люси, Люси, дорогая, – одна из главных помощниц Жоржеты.

– Мисс Дороти, здравствуйте!
– Здравствуй, Люси! Я ищу Жоржету, мне очень нужно с ней поговорить, ты знаешь, где она?

– О да, да, конечно же, она в саду, преподаёт детишкам урок рисования.

– Урок долго ещё будет идти?

– Да нет, – она махнула рукой и продолжила протирать рамы окон. – Минут через пятнадцать Ланшар пойдёт со звонком.

– А потом Люси... то есть какая дальше программа у Жоржеты?

– Обед, у них будет двадцать минут обед, у детей грамматика, а сеньорита Жоржета будет проверять работы детей.

– Мне очень нужно с ней поговорить.

– Ну хорошо, я думаю, что вы можете подождать её в учительской.

– Хорошо, спасибо большое, Люси.

– Кстати, если хотите чай иль, может, кофе, на кухне всё готово.

– Спасибо, Люси.

– Дороти!

– Жоржета!

– Что-то случилось, мой ангел, какой-то вид у вас взволнованный? – она надвинула очки на глаза.

– Да, Жоржета, случилось, но вы не волнуйтесь, ничего страшного.

Жоржета работает в этом пансионате с восемнадцати лет, сейчас ей уже шестьдесят два года, этот приют был построен на руинах, раньше на этом месте была школа монахов, во время войны монахи покинули её, стены школы изветшали и рухнули, новое поселенье решило построить приют для

детишек, родители которых погибли во время войны, Жоржета участвовала в построении приюта и вырастила не одно поколение, она посвятила свою жизнь этому делу.

– Расскажи мне всё по порядку, Дороти.

– У вас же сейчас обед?

– Ничего, мне и пяти минут хватит перекусить. Рассказывай.

– Хорошо. Я немного, правда, волнуюсь.

– Ну?

– Мы с Жульеном хотим усыновить ребёночка из приюта.

– О боже мой!! – она хлопнула в ладони. – Дороти, так это же благословение Божье, ведь это прекрасно, милая моя... я-то думаю. Что там стряслось, я вас поздравляю!!! Как это вы так решили?

Она ей всё и рассказала, рассказала и о том, что в замешательстве, как же взять одного ребёночка, когда их так много.

– Дороти, так много времени проводишь у нас, и каждый ребёнок согрет твоим теплом и заботой, но кто-то из них станет намного ближе к тебе, и ты же в любое время можешь приходить к другим деткам, и они всегда будут рады видеть тебя. Мне кажется, что есть ребёнок, к которому твоё сердце больше всех расположено – это не означает, что ты других не любишь.

– Да, вы правы, есть, это Этьен, я всегда к нему питала большую симпатию.

– Этьен! – с восклицанием в голосе проговорила она. –

Этьен Лагилавски. Он хороший малый, очень умный и спокойный, добрый, обаятельный, в нём некая искорка ангелочка небесного, он будет вам хорошим сыном с Жульеном.

– Вы так считаете, Жоржета?

– Ну конечно, здесь даже не может быть и сомнений.

4.

Лили проснулась укутанная теплом утра, палатка успела довольно-таки прилично нагреться под лучами утреннего солнца. Леди приподнялась на локтях, оглянулась и легла снова, разглядывая палатку. Минут через пять перевернулась на живот, растянувшись по всей палатке, как звезда, вдыхая глубоко жаркий воздух, она учуяла запах костра. «М-м-м, они что-то готовят». Лили мигом оделась и вышла из палатки – потягиваясь.

– Доброе утро, мама и папа!

– Лили, дочка, тебе чего не спится? – удивлённо спросил отец.

– Доброе утро, Лили! Папа просто хотел сделать сюрприз всем, встав раньше всех, он поймал две рыбы и сейчас сам варит рыбный суп.

– Ничего себе, папочка, вы такой молодец, – она села рядом с ним и нежно обняла Хавьера.

– Спасибо, солнышко, иди умывайся, суп почти готов, сейчас чайник поставлю и примемся за завтрак.

– Хорошо, – она подскочила и, радостная, побежала к берегу, резко обернувшись, она вспомнила про Марка:

– А Марк, он уже встал?

– Марк – да, он давно встал, вместе с солнцем и со мной.

– Да... отчего же так рано... и где он?

– Он ещё рыбачит.

– Рыбачит? – удивлённо спросила она.

– Ну да, мы с ним вместе пошли на рыбалку, я пошёл суп готовить, а он остался, а что тебя так удивляет?

– Да ничего, собственно, просто не ожидала.

– Хм... ясно.

– М-м-м, пап, да вы прекрасный повар, ваша рыбная похлёбка очень-очень вкусная.

– Рыбная похлёбка? Так мой суп ещё никто не называл, но спасибо, милая.

– Да, Хавьер, похлёбка вышла отличная.

– Спасибо, спасибо, Марк, тебе как моя похлёбка? – шуткой спросил он.

А в ответ получил молчание, его рот был полон еды, которую он так тщательно пережёвывал и не мог сказать ни слова.

– Я понял, тебе очень понравилось и на непонятном нам всем языке ты отблагодарил меня, я прав? – и все засмеялись. – Кстати, мы можем взять лодку и часов до трёх поплавать, а потом домой, как на это смотрите?

– Да, хорошо, я согласна, Лили, Марк?

– Я согласен, это отличная идея.

– Лили, ты чего это щёки надула?

– Ну просто такая отличная погода, а мы в три домой собираемся.

– Лили, дорогая, начинается рабочая неделя, у меня кипа бумаг...

– Понимаю, ладно, до трёх так до трёх.

– Женщины, за вами уборка, за нами корабль.

– Договорились.

– Мы уже подъезжаем к поместью, – счастливая Лили не сводила глаз с кареты, в которой напротив ехал Марк.

– Как тебе отдых, Лили? – спросила Антуанетта.

– О, мама, всё было замечательно, мне всё понравилось, а вам?

– Мне тоже, – Антуанет опустила глаза и стала перебирать пальцами платочек, – и к тому же мы с отцом вспомнили о давно забытом старом, о хорошем, конечно, и красавица-луна, что так красиво растянулась тонкой дорожкой по всему озеру, помогла с ещё большей страстью обнажить свои чувства, – она подняла глаза и посмотрела на дочь. – Мне не верится, что я тебе об этом говорю, конечно, понимаю, что ты уже не маленькая девочка и должна всё прекрасно понимать сама.

– Конечно, мама, я всё понимаю и рада за вас с папой, это и вправду прекрасно.

Мысли Лили были полностью погружены в воспоминания

о Марке, вот он едет рядом, а она вспоминает все моменты, проведенные с ним.

– Марк, чем будешь заниматься по приезде домой?

– У меня много незаконченных работ, которых ждут заказчики.

– Что за работа?

– Я же резчик по дереву, я вырезаю фигуры разного рода, покрываю их лаком и затем продаю.

– Ох ты, как интересно, а ты сможешь вырезать нашу фигуру... не так выразился.

– Я вас понял, Хавьер, конечно, смогу, это займёт неделю.

– Так быстро это?

– Ну многое ещё зависит от размеров, вы каких бы размеров хотели, шахматных или больше, может, размеров статуи?

– Но ведь и статуи бывают разных размеров, не так ли, резчик по дереву?

– Пожалуй, вы правы. Вам предлагаю по приезде домой снять замер, а потом уже дать мне точные цифры.

– Хорошая идея, да, я полностью с тобой согласен, так, пожалуй, и поступим в ближайшее свободное время от работы, если я, конечно, не забуду.

– Вы уж постарайтесь.

– Не буду обязывать тебя просьбой напоминаний.

– Значит, договорились.

– Да, Марк, договорились.

– Сеньор Марк, с приездом!

– Спасибо, Сантьяго!

– Как отдых?

– Отдых пошёл мне на пользу, всё было замечательно, – он закрыл глаза и вспомнил Лили, вспомнил тот момент, как она смотрела на него, и это воспоминание ласкало его душу. – Какие новости?

– Новости... новости, а вам, сеньор, пришло письмо из Венеции.

– Венеция... письмо... с чего бы это?

– Я не знаю, сеньор.

– Хорошо, письмо подождёт, как мой сад?

– Сад великолепен, сеньор, весь в цвету.

– Это радует, Сантьяго.

– Стараюсь, сэр.

– Сантьяго, налей, пожалуйста, бокал холодного виски.

– Хорошо, сеньор, может, что-нибудь разогреть поесть?

– Нет, спасибо, Сантьяго, я не голоден только хочу пить, жара утомила.

– Что верно, то верно, сегодня солнце палит беспощадно просто.

– Письмо... интересно, Сантьяго.

– Да, сеньор.

– Захвати, пожалуйста, письмо.

– Хорошо, сеньор.

Венеция – воздушная изысканность и смутная грусть, время, проведенное в ней, хранится в тайниках моего внутреннего мира – это знаменитый город на воде, соединенный более чем четырьмястами мостами, город, который невероятным образом на ста восемнадцати островах. Венеция – она красивая и романтическая, моё детство очень тесно связано с ней, теперь я, кажется, начинаю догадываться, от кого письмо, наверняка дядя Джером, старший брат папы, отчего это вдруг он решил вспомнить обо мне, весьма-весьма интересно.

– Сеньор, ваш бокал виски и письмо.

– Как раз кстати, благодарю тебя, Сантьяго, можешь быть свободен.

«Ну-с посмотрим-с, что же там среди строк этого письма имеет смысл», – он сделал глоток горячего алкоголя, и ему приятно обожгло горло, затем он то же самое почувствовал в желудке. Красивый конвертик, точно, он угадал, письмо от дяди Джерома, вот в углу его инициалы, и роспись узнаёт. Марк распечатал конверт, достал аккуратно свёрнутое письмо, бумага оказалась плотнее наших здешних и пропахла сыростью. Ладно, посмотрим, что там... как много написано.

«Дорогой Марк!!! Ты знаешь, как я не люблю долгие разглагольствования и всегда пишу только по делу, и сейчас настал именно такой момент, абсолютно деловой, так вот, спешу тебя оповестить о том, что пару недель назад вино-

дельня твоего отца была разграблена, раньше я никак не мог сообщить тебе об этом, так как вёл расследование по этому делу, считаю, что должно в твоих интересах быть... ладно, я запутался, очень спешу, ну, мне кажется, лучше было бы, чтобы ты сам приехал и разобрался с этим, ведь всё же это была винодельня твоего отца, ну, в общем, смотри сам, как знаешь, но ты мне дай в ближайшее время ответ, приедешь или нет, с нетерпением буду ждать, твой дядя Джером.

P.S. Скоро осень, постарайся не затягивать с ответом».

Замечательно, он всегда знал, что дядя Джером чудак, но такое написать – бред. Винодельню отца, конечно, жаль, но а что он там теперь мог порешать, странный он тоже какой-то, говорю же – чудак. Марк опустил голову, оперев её на обе руки, ну ладно, что-нибудь решим.

5.

– Сеньор Пампуш, добрый день!

– А-а-а, Жульен Бурански, рад вас видеть, – протянул он руку ему, чтобы поздороваться. – Присаживайтесь. Вы, должно быть, устали с дороги.

– Да, пожалуй, есть немного, вы позволите, я положу свою шляпу на стол?

– Да ради бога, может, бурбон, виски?

– Нет, спасибо, я не очень хорошо воспринимаю алкоголь, если можно, то чашечку кофе.

– Хорошо, – он мило улыбнулся, – одну секундочку. Месье Пампуш вышел из-за стола и направился к дверям, чуть приоткрыв, он вполголоса позвал своего секретаря:

– Франсуа... Франсуа?

– Да, месье.

– Франсуа, будьте так любезны чашечку кофе.

– Просто чёрный? Может, сахар или сливки?

– Секундочку, месье Бурански, вам кофе просто чёрный или что в него добавить?

– А, да, извините, я не уточнил, можно сливок и кусочек сахара.

– Хорошо... Франсуа.

– Я понял, месье, минутку, и всё будет готово.

– Благодарю, – он закрыл дверь и подошёл к окну, отодвигая большие шторы.

– Душно в помещении, вам так не кажется?

– Да, есть немного.

– Сейчас откроем окно, ну вот теперь можно будет наслаждаться летним воздухом и звучанием колёс на мостовой, я вот поэтому очень редко открываю окна, если честно, то меня раздражает этот шум за окном.

– Понятно.

– Но так как я не один, могу пожертвовать... – он уселся в кожаное кресло, и было слышно, как кожа заскрипела под

ним. — Обожаю кожу и дерево, — мужчина откинулся на спинку сиденья, обнажив свой взгляд, его рука скользнула по прилизанным чёрным волосам, этим самым движением придал себе уверенности, второй рукой открыл ящик своего стола и достал оттуда деревянную лакированную шкатулку ручной работы, на ней были глубоко и чётко вырезаны слоны. Он поставил её на стол и открыл крышку, в этой шкатулке лежали сигары, Пампуш наклонился к ним и глубоко вдохнул, потом посмотрел на адвоката и откинулся снова на спинку стула.

— Обожаю запах сигар, — улыбка. — Сигару? — и снова улыбка.

— Нет, благодарю, месье Пампуш.

— Постойте, — он вытащил сигару изо рта, прищурил один глаз, и один уголок губ игриво потянулся вверх, — дайте угадаю, табаком вы тоже не увлекаетесь? — и засмеялся, я, конечно, его поддержал.

— Да прям-таки в точку, так вы не иначе как всевидящий?

— Да, этот дар мне перешёл по наследству, — и снова засмеялся. — Так, значит, вы не против, если я закурю?

— Конечно, нет, это ваше право, курите на здоровье.

— Хорошо... про здоровье вы метко подметили, — послышался стук в дверь.

— Да, войдите, — дверь приоткрылась, и в ней показалась голова Франсуа.

— Месье Пампуш, это я, Франсуа, кофе готов.

– Заходи, Франсуа

– Ваш кофе, месье.

– Месье Бурански, теперь вы его довольно-таки часто будете видеть у нас, Франсуа.

– Хорошо, – он улыбнулся и убрал обе руки за спину, скрестив пальцы.

– Я могу идти?

– Да, Франсуа, вы можете идти.

– Так, значит, вы у нас в Чикаго впервые?

– Да.

– Ну и как вам Чикаго?

– Не многолик.

– С чего так решили?

– Ну, по дороге... с вокзала до вашего офиса я всё время смотрел в окно и смог заметить много домов и пару женщин, привязанных коней, старца, сидящего на колодце курящего самокрутку.

Пампуш засмеялся, его чёрные густые усы при этом только успевали закрученными концами подпрыгивать вверх.

– А вы наблюдательны, месье Бурански.

– Ну так, а что смешного вы нашли в моей наблюдательности?

– Жульен Бурански, – он провёл пальцами по усам, его глаза сияли, как две зелёные маслины, – вот что я скажу, вы мне нравитесь, и смею предполагать, что вы хороши в своей работе так же, как и в наблюдательности. Люди много гово-

рят, и я слышал только хорошее, месье, поэтому вы сейчас здесь.

– Вроде бы пока ни одного дела не проиграл.

– Поразительно, как вам это удаётся?

– Что именно?

– Ладно... – перепрыгнул он на другую тему. – Жульен, вы уже ознакомлены с моим делом? – спросил он требовательной интонацией.

– Да, месье Пампуш, весьма осведомлён.

– Хорошо, это хорошо, – он прикурил сигару и стал покатываться в кресле.

– Месье Бурански, ты женат?

– Да, мою супругу зовут Дороти. Я назвал сразу её имя, потому что знал, что этот вопрос последует следующим.

– Аха... – он затянулся, смотря мне прямо в глаза, затем поднял голову и медленно стал выпускать клубы дыма вверх.

– А вы любите её?

Я подумал, что за глупый вопрос, и ответил ему, не скрывая своих эмоций, возможно, он и понял, что меня возмутил его вопрос.

– Ну конечно... Месье Пампуш, к чему весь этот разговор? Мы же здесь собрались по разбирательству вашего дела, не считите за грубость, но это моя работа, это я вам должен задавать вопросы, чтобы быть лучше осведомленным.

Он его внимательно выслушал, потушил сигару, поставил локти на стол, скрестив руки в замок, и подбородком уткнул-

ся в пальцы.

– Месье Бурански об этом разговор и идёт, о моём деле, – его лицо стало серьёзным, глаза потемнели, – я тоже люблю свою супругу, но дело в том, что она мне изменила, но я об этом не знал, не знал до тех пор, пока этот парень, с которым она мне изменяла, не умер, и оказалось, что в его смерти виноватым выставили меня – эта женщина, моя жена, даже мне на глаза показаться боится, это та женщина, которую я люблю.

– Всё довольно-таки интересно, чую я, это дело затянется надолго... а вы наняли детектива?

– Да, его зовут месье Жюле, хороший сыщик, он собирает всё по крупицам...

– Он француз?

– Да, он француз, вас что-то смущает?

– Нет, просто интересно, он этих краёв?

– Вы имели в виду, здесь ли он родился?

– Да.

– Нет, он приезжий, так же как и вы, месье Жульен, но он очень хорошо говорит по-английски, так что, думаю, что у вас с ним проблем не будет.

– Да я об этом даже и не думал, мне не приходилось ещё работать с французами.

– Ну вот, это ваш шанс, не упустите его, – улыбаясь, проговорил он.

– Да уж, постараюсь, месье Пампуш.

– Если у вас есть ко мне ещё какие-нибудь вопросы по моему делу, вы не против отложить их до завтра? У меня очень важная встреча через пятнадцать минут. Да и вы, я думаю, устали с дороги и хотели бы отдохнуть?

– Хорошо, я с вами солидарен.

– Франсуа вас проводит в номер и поможет расположиться, будут какие-нибудь вопросы по поводу удобств, Франсуа к вашим услугам.

– Хорошо, я всё понял, спасибо.

– Это вам спасибо, что взялись за моё дело, приятного вечера, месье Бурански.

– И вам.

– Франсуа!

– Да, месье.

– Прошу вас, будьте так любезны, проведите месье Бурански в его номер.

– Хорошо, месье Пампуш.

– Франсуа, я оставляю вам ключ.

– Месье, вы далеко?

– Пойду прогуляюсь по вашему вечернему городу.

– Хорошо.

– А месье Пампуш у себя?

– Нет, месье Пампуш ещё отсутствует, что-то ему передать по приходе?

– Благодарю, Франсуа, но не стоит, я сам... завтра.

– Приятного вечера, месье!

– Спасибо, тебе тоже.

Вечер был упоительным, в воздухе пахло дымом от костра вперемешку с пивом, рядом с домом Пампуша находилась пивоварня и, кажется, воздух был пропитан солодом, и он чувствовал этот хмель во рту. Город ожил к вечеру и уже не казался таким не многоликим, Бурански вздрогнул и медленными шагами направился к мостовой, считалось, что за мостовой открывался прекраснейший вид центра города. Дело, конечно, Пампуша было весьма запутанным, так как либо Пампуш говорит правду, либо лжёт, на каких основаниях полиция подозревает его, а возможно, жена оказалась хитрой лисой и решила подставить мужа, забрать всё нажитое себе, убить любовника, надо встретиться с Жюли, с сыщиком, явно он уже что-нибудь накопал. Так, где там листок с его адресом? Он сунул руку в карман сюртука и понял, что листок с адресом оставил в номере. Вот, блин, придётся вернуться, хорошо, что ещё недалеко ушёл. У входа в здание Жульен заметил карету, в которой сидела молодая особа, она махала веером и не сводила с него глаз. Бурански споткнулся о порог и приземлился на колени, дама открыла дверцу кареты наполовину и, выглядывая из неё, спросила:

– Месье, вы в порядке?

Он быстро поднялся, отряхивая колени, и почувствовал, как его щёки багровеют.

– Да, да, спасибо – живой.

Леди закрыла лицо веером, оставив только глаза.

– Вы позволите? – он сделал жест, чтобы подойти ближе к карете.

– Да, месье...

– Я Жульен Бурански.

– Какое интересное имя, я так полагаю, вы не местный?

– Да, вы правильно полагаете.

– Я Аманда, – она протянула свою руку к его, на её руке были белые перчатки, от которых доносился нежный аромат дорогого парфюма, Жульен коснулся её руки губами, так, можно сказать, вступил на территорию загадочной дамы с веером, она тотчас убрала веер от лица.

– Очень приятно.

– Взаимно, – она улыбнулась, и в его сердце что-то вспыхнуло, он напугался этой вспышке и даже немного растерялся, с ним раньше никогда такого не было, даже при знакомстве с Дороти он такого не почувствовал.

– Месье, кажется, ваша туфля порвалась.

Он завис, смотря на неё, и в то же время как сквозь неё.

– Месье, – леди начала щёлкать пальцами.

– Что?

– Я говорю, ваша туфля – она порвалась.

– А... а... – он взглянул на носок своей туфли и увидел, что он действительно порвался. – Вот незадача, хорошо, что я с собой прихватил ещё одну пару чёрных туфель, – девушка тихонько засмеялась. – Вы кого-то ждёте?

– Месье любопытен.

– Извините, сударыня, я...

– Месье Бурански... – услышал он знакомый голос у себя за спиной, он повернулся и увидел месье Пампуша.

– Месье Пампуш, какая приятная встреча.

– Вы уже познакомились с Амандой?

– Да-а-а...

– А давайте-ка я, Аманда, это Жульен Бурански, мой адвокат, мне приходилось тебе о нём уже рассказывать. Жульен, это моя дочь Аманда.

– Ваша дочь! – воскликнул он от удивления.

– Не ожидали? Это ещё что.

Аманда всё время молчала и на их разговоры с Пампушем отвечала лёгкой улыбкой.

– А вы откуда к нам, месье Бурански, приехали?

– Я из Лос-Анджелеса.

– Прекрасный город, как вам там живётся?

– Живётся?

Она посмотрела на него своими большими, ярко выраженными зелёными глазами, и его бросило в жар.

– Да... да, хорошо живётся, множество зелени... город расположен на открытом тихоокеанском берегу, шум прибоя, – он закрыл глаза и всё вспомнил: тёплый ветер обнимает его лицо, резко открыл глаза и заметил, как её лицо дрогнуло, она не ожидала. – Мне нравится, я благодарен, что родился в нём.

– Ваш город действительно настолько хорош?

Что она имеет в виду, возмущился он, но сдержал себя в руках. Хорош? Ну, конечно, хорош, странная дама.

— О да, мисс, он действительно хорош, а вы знаете, приезжайте в гости, после того как закончится дело вашего отца, я проведу для вас экскурсию по местным краям.

Она замахала веером, пристально на него уставившись, в её глазах застыли мысли, правда, какие? Он чувствовал, что от Аманды веет теплом, загадочностью, у него появилось неистовое желание подобрать ключик к её замочку, он захотел узнать её поближе.

— Месье Бурански, — последовала пауза, она поправила перчатку на руке и опять пристально уставилась на него, отчего его снова бросило в жар, Жульен не мог понять, отчего так тонет в её глазах.

— Да...

— Видите ли... предложение, конечно, заманчивое, и не зная вас, я всё же ценю его, как бы там ни было, вы мне импонируете, и скажу только одно: от времени вашего пребывания здесь будет зависеть дальнейшее.

— Вот те на, а как это?

— Мой ответ исчерпан, — и сказала она это очень серьёзно. — Отец, мы уезжаем.

— Да, конечно, Аманда.

Он хотел возмутиться:

— Месье Пампуш? — лёгкая улыбка проскользнула на его лице, он пожал плечами, прикрыл рот рукой, чтобы дочь

не услышала, и еле слышно проговорил:

– Вся в мать, а она прекрасная женщина.

Бурански махнул ему только головой, тот сел в карету, она тихонечко тронулась, Аманды Жульен уже не видел.

– Месье Бурански, до завтра.

– До завтра, месье Пампуш.

Перед глазами у него всё ещё стояло лицо Аманды, её глаза, улыбка, он пытался понять, что она представляет из себя, о планах пойти к месье Жюли он, конечно же, позабыл и решил провести оставшийся вечер в окрестностях отеля.

Бурански проснулся с мыслью о Дороти, надо же ей весточку послать, как же ему сообщить о том, что теперь не скоро будет, ведь он ей обещал... Отказать Пампушу... и перед глазами вновь появился образ Аманды, аромат её духов, Жульен почувствовал настолько сильно – быть может, она где-то рядом, оглядел комнату – пустота... один луч солнца пробивался сквозь шторы, пора вставать... что же, что же написать Дороти... Аха! Его осенила гениальная идея: письмом буду я сам, как и обещал, я приеду, а потом назад.

– Франсуа, доброе утро!

– Доброе утро, месье Бурански!

– Месье Пампуш у себя?

– О да, месье, но он сейчас занят, у него встреча, вам придётся подождать.

– Хорошо, Франсуа.

– Да, месье.

– А можно мне кофе?

– Да, конечно, месье, кофе с молоком и сахаром?

– Да, пожалуй.

– Хорошо, будет сделано.

Франсуа интересный малый, напоминает солдатику отчеканенного, чётко выполняющего все указания, молодой, стройный, высокий, прямая осанка, Бурански показалось, что даже чересчур прямая, хотя это лучше, чем когда лопатки как крылья, а голова расположена на уровне плеч.

– Месье, ваш кофе, всё как просили.

– Благодарю, Франсуа.

Аромат кофе резко ударил ему в нос, он обожает этот запах по утрам, когда его глаза ещё пребывают в состоянии сна, нос уже чувствует запах кофе, который варит Дороти, она обычно радуется по утрам, ставит чашку на тумбу перед их кроватью, увидав, как его ресницы вздрогнули, но Жульен всё ещё неподвижен, Дороти ждёт его улыбки, после чего покрывает нежными поцелуями – это благодать. Жульен сделал глоток и обжёг немного губы, но тут же эту боль перебил вкус кофе.

– Франсуа, а ты откуда родом?

– Я, месье, из Индии.

– Из Индии, вот это да, а каким чудом оказался здесь?

– Когда мне было пять лет, родители меня вместе с моей старшей сестрой Санжи отправили сюда, в Чикаго, здесь

жили родители мамы, после смерти бабушки дедушке нужен был уход, он инвалид, ноги отказали после войны, имел место там сражаться, получил травму позвоночника, затем осложнения, итог один – привязан к кровати, ну это образно, – он улыбнулся. – Мама решила отправить Санжи, а вместе с ней и меня, сама она не могла поехать, потому что на ней лежало всё домашнее хозяйство, отец в поле, дома ещё три братика и сестра.

– Интересно, а почему она решила именно тебя отправить?

– Мама говорила, что ей приснился сон, в котором бабушка ей указала на меня.

– А какое твоё настоящее имя?

– Фарух, после приезда сюда дедушка дал мне второе имя – Франсуа, мне понравилось моё второе имя, с тех пор я Франсуа.

– А где сейчас твоя сестра?

– Санжи? Она вышла замуж за Гари, он журналист, у меня уже двое племянников: Томас и Летиция.

– Красивые имена.

– Да, я их очень люблю, они такие забавные.

– А проживаешь ты здесь, у месье Пампуша?

– Пока да, как закончу учёбу, хочу поехать в Нью-Йорк и стать выдающимся психологом.

– Ого, да ты молодец!

– Мы с дедушкой подолгу разговаривали: о жизни, людях,

Вселенной, и он поведал мне много чего интересного.

– Наверное, твой дедушка был очень умным человеком?

– Да, был, также он сказал, что человек должен постоянно работать над собой, меняя стереотипы в силу воли души своей, не останавливаться на достигнутом, и все люди, которых мы встречаем на своём пути, в своей жизни, они все посланы нам Богом, не иначе, и на той или иной стадии, для чего послан мне на этот раз этот человек, нет ничего хорошего в разгульной жизни – это хорошо, когда человек умеет вовремя остановиться, а иначе его ждёт гибель, прекращается рост и всё раньше красивое, лучезарное озеро превращается в болото. Мы отражение друг друга, помни об этом, всё, что тебе нравится в том или ином человеке – это есть и в тебе, и наоборот, тогда сделай вызов себе и поработай над собой. Как-то он у меня спросил:

– Франсуа, как ты думаешь, я счастливый человек, несмотря на то что я инвалид и что не чувствую твёрдости в своих ногах, не могу встать и пойти?

Я не задумываясь ответил ему:

– Да.

Он рассмеялся, потом очень серьёзно мне сказал:

– Мне нравится твой ответ, да, моё счастье – это богатство внутри меня, и я не забыл ходьбы своих ног. Твёрдость духа и есть мои ноги.

Помню все его наставления, и теперь всё, что я делаю в своей жизни, понимаю, что хочу этого сам, дедушка мне

только указал на этот путь. Решение принял сам, я не стал щупать воду, а прыгнул в неё с головой и поплыл и теперь не жалею об этом.

– Хм... Фарух... ты очень талантливый молодой человек и верю, что тебя ждёт великолепное будущее.

– Спасибо, месье, ваш кофе остыл?

– Что?

– Вы меня так внимательно слушали, и я заметил, что ваша рука ни разу не прикоснулась к чашке с кофе, он, наверное, уже остыл?

– А-а-а... кофе, – Жульен сделал глоток. – Да, действительно, он уже тёплый.

– Уже не такой ароматный?

– Ничего страшного.

Повернулась ручка, и дверь в кабинет Пампуша открылась, показался коренастый мужчина в чёрном костюме с красной папкой в руках.

– Месье Пампуш, я жду вас в среду вечером.

– Да, я знаю, – донеслось из глубины кабинета.

Мужчина поправил галстук, его брови были чёрными и густыми, грозно сдвинутыми, он зыркнул на Бурански стальным взглядом, тем самым окатив Жульена как из ведра ледяной водой.

– Франсуа, всего доброго!

– И вам, месье Бургун!

– Франсуа, – шепнул он. – Как вы думаете, я могу войти?

– Одну секундочку, месье.

– Месье Пампуш, к вам месье Бурански.

– Хорошо, Франсуа, пусть войдёт.

– Месье Пампуш, доброе утро!

Его стол был завален бумагами, словно пронёсся ураган в его кабинете.

– Добрый день, месье Бурански! Жульен, у меня тут кое-какие дела имеются, и их в ближайшие сроки надо решить, понимаю, что вы занятой человек, но я вам заплачу большую сумму, больше той, о которой мы договаривались изначально.

– Хорошо, я не против, всё складывается благоприятно.

Он рассказал ему о том, что ему на пару дней надо будет вернуться в Лос-Анджелес по семейным делам, а потом назад, Пампуш, конечно, был не против.

– Ну вот и ладно, всё действительно складывается благоприятно.

– Ну я тогда пошёл за билетом.

– Ага, кстати, месье Бурански, Аманда просила передать вам, что она действительно рада знакомству с вами.

– Это взаимно.

Ну вот, подумал, он тут старается не думать, не вспоминать, а она сама напоминает о себе.

– Ты задумывался когда-нибудь, почему люди так поступают?..

– В смысле, месье Пампуш, не совсем понимаю, о чём вы.

– Предают, чем они думают? У меня просто в голове не укладывается, теперь понимаешь, о чём я?

– Понимаю...

– Предают так по-бессовестному, словно никогда и не любили, насколько я помню, наш брак состоялся на взаимности, не по расчёту, хотя, может, и ошибаюсь, но помню её глаза как сейчас, они были полны счастья и слёз, и к тому же я её ни к чему не принуждал, она сама дала ответ, ты знаешь мои размышления – понять её действия, так, собственно говоря, влезть в её шкуру, понять, почему она так поступила со мной, и понимаешь, не смог, вот так просто не смог, и всё, мне это не дано, наверное, потому что у меня есть совесть и я никогда бы так не поступил с ней, по крайней мере это в моём случае. Жульен, вы, наверное, считаете меня слабаком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.